

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

**XIV Сретенская
научно-практическая конференция
ПСИХЕЯ И ПНЕВМА**

ОРГКОМИТЕТ

- Д. К. Богатырёв, доктор философских наук, профессор (председатель);
К. В. Преображенская, кандидат философских наук, доцент;
О. В. Защирина, доктор психологических наук, профессор;
И. А. Вахрушева, кандидат психологических наук, доцент;
В. А. Егоров, ведущий специалист (ученый секретарь).

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

**XIV СРЕТЕНСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ПСИХЕЯ И ПНЕВМА
ФИЛОСОФСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

18–19 ФЕВРАЛЯ 2021 г.

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии

Санкт-Петербург
2021

Представлено к печати оргкомитетом
XIV Сретенской научно-практической конференции
«ПСИХЕЯ И ПНЕВМА»

Отв. за выпуск В. А. Егоров

**XIV Сретенская научно-практическая конференция «Психея и Пневма»
18–19 февраля 2021 г.** Сборник докладов / Отв. ред. В. А. Егоров. — СПб.: Изда-
тельство Русской христианской гуманитарной академии, 2021. — 76 с.

ISBN 978-5-907309-73-9

Ежегодная Сретенская научно-практическая конференция «Психея и Пневма» проводится с целью обсуждения актуальных проблем в области исследования вопросов, связанных с изучением целостности личности человека, которая формируется в процессе самоосмысления на различных этапах жизненного пути. Размышления над вопросами, связанными с проблемой жизни и смерти, подлинными ценностями существования и его смыслом определяют предпосылки для созидания уникального рисунка жизненного пути каждого и влияют на его самооценку.

Определенным образом влияют на формирование жизненного пути человека социокультурные изменения, определяющие те или иные приоритетные ценности и идеалы, модели самореализации. В рамках этих же изменений выстраиваются и основные направления и парадигмы исследовательских подходов современной психологии, формируются новые адекватные модели практической психологической помощи.

Обсуждению данного круга проблем и посвящалась XIV Сретенская научно-практическая психологическая конференция «Психея и Пневма».

© Коллектив авторов, 2021

© Издательство РХГА, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Морозова Е. А.</i> ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦЕННОСТНОЙ БИФУРКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	7
<i>Федорова А. В.</i> ПРОСТРАНСТВО И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ	14
<i>Собольникова Е. Н.</i> ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: МАСКУЛИННОСТЬ И МУЖСКИЕ РОЛИ	20
<i>Плотный Н. В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РОДИТЕЛЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ ЗАВИСИМЫХ ОТ ПАВ.....	28
<i>Стряпухина Ю. В., иерей Георгий Погребный</i> ЛЮБИТЬ СЕБЯ ДРУГОГО РАДИ. ГРУППА ПОДДЕРЖКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЧЛЕНАМ СЕМЕЙ ЗАВИСИМЫХ	35
<i>Рудакова С. С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ МНОГОДЕТНЫМ МАТЕРЯМ.....	42
<i>Чумакова Е. Н.</i> ПОВЫШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ГАРМОНИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПОДРОСТКОВ И ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ	47

<i>Давыдова Е. Р.</i>	
ЗНАЧИМОСТЬ ПСИХОДИАГНОСТИКИ СЕМЕЙНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВЫ ДЛЯ КОРРЕКЦИИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	53
<i>Попова А. В.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К «ГРАЖДАНСКОМУ БРАКУ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	58
<i>Виноградова М. А.</i>	
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БРАКЕ У МОЛОДЕЖИ	66
<i>Морозова З. А.</i>	
ПЕРЕЖИВАНИЯ И СОВЛАДАНИЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПЕРВОГО АБОРТА У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН	72

Морозова Елена Анатольевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры теологии
Самарского государственного университета путей сообщения,
доцент кафедры православной педагогики
Самарской духовной семинарии

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦЕННОСТНОЙ БИФУРКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена особенностям и возможностям формирования семейного сознания, в первую очередь, юношества в современном обществе. Раскрывается авторский взгляд на категорию «семейное сознание», недостаточно отраженную в междисциплинарных исследованиях. Подчеркивается его многоуровневая природа и включенность в широкий социокультурный контекст, характеризующийся в настоящее время ценностной бифуркацией в отношении способов межполового и брачно-семейного взаимодействия. Рассматриваются три предельно обобщенные модели — традиционная, модерн и постмодерн, каждая из которых имеет свои проявления и логику возникновения, не являющуюся предметом исследования в настоящей работе. В исследовании делается акцент на значимости формирования традиционного сознания юношества как основы ведения стабильного семейного образа жизни в будущем, в связи с чем предлагается комплексная система обогащения образовательной среды семейно ориентированными смыслами и ценностями, включающая федеральный, региональный, муниципальный, субъектный уровни, учет которых позволит в значительной степени укрепить институт семьи и предотвратить процессы дефамилизации общества.

Ключевые слова: семейное сознание, юношество, модели семьи, традиционная семья, традиционное семейное сознание, образовательная среда, семейно ориентированное образование, формирование.

Morozova E. A.

THE PROBLEM OF FAMILY CONSCIOUSNESS FORMATION IN THE CONTEXT OF VALUE BIFURCATION IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the peculiarities and possibilities of the formation of family consciousness, first of all, of youth in modern society. The author's view on the category of «family consciousness», insufficiently reflected in interdisciplinary research, is revealed. The author emphasizes its multi-level nature and its inclusion in a broad socio-cultural context, which is currently characterized by a value bifurcation in relation to the ways of intersex and marital-family interaction. We consider three extremely generalized models — traditional, modern and postmodern, each of which has its own manifestations and logic of occurrence, which is not the subject of research in this paper. The study focuses on the importance of forming the traditional consciousness of young people as the basis for maintaining a stable family lifestyle in the future, and therefore proposes a comprehensive system for enriching the educational environment with family-oriented meanings and values, including federal, regional, municipal, and subject levels, which will significantly strengthen the institution of the family and prevent the processes of defamilization of society.

Keywords: family consciousness, youth, family models, traditional family, traditional family consciousness, educational environment, family-oriented education, formation.

Личность взрослого человека находится в тесном контакте с окружающим миром, окружающей средой — первичным и необходимым условием для ее становления и развития. Личность «втягивает» в себя реальность окружающего мира, наделяя ее смыслами и ценностями [12, с. 95], результатом чего становится формирование картины мира, представляющей собой систему представлений о мире и месте человека в нем. Важнейшим фрагментом картины мира личности является семейное сознание, «вырастающее» как из актуальной социальной ситуации, так и уходящее своими корнями в архетипическую плоскость.

Следует отметить тот факт, что феномен семейного сознания является практически неотрефлексированным в междисциплинарном дискурсе. Имеются отдельные социологические работы, в которых раскрываются виды семейного сознания (традиционное, эгалитарное, мозаичное) (С. А. Ильиных) [6]. Однако в психолого-педагогическом и теологическом дискурсах этот феномен пока не нашел своего отражения. В наших предыдущих работах было показано, что семейное сознание представляет собой совокупность относительно устойчивых, многоуровневых представлений о семье, формирующихся под влиянием комплекса факторов, представляющих собой фундамент или образец семейного бытия, определяющих базовые стратегии межполового взаимодействия до брака, а также модели семьи и ролевые стереотипы [10, 11]. На основе категории «всеобщее-особенное-единичное» семейное сознание рассматривается как часть более широкого контекста (этнос, культура, религия, государство, цивилизация) с учетом субъектов его формирования (семья, семейный род, религиозная община, общество, социальные институты).

Семейное сознание, с нашей точки зрения, является многоуровневым образованием и включает в себя: глубинный уровень, репрезентирующий идеалы брачно-семейного взаимодействия, нормативные семейные модели, являющиеся наименее подверженные изменениям компоненты; социокультурный уровень, представленный относительно устойчивыми семейными традициями и мифами, семейным фольклором и меморатами; субстанциональный уровень, инкорпорирующий семейные ценности, установки, постулаты, наиболее подверженные изменениям под влиянием факторов внешнего мира [10].

Обратим внимание на то, что семейное сознание современного юношества формируется в условиях современного общества, определяемое как полипарадигмальное, в котором, появившись в различные исторические эпохи, сосуществуют мировоззренческие позиции, обобщенно обозначаемые как традиционные, модерн и постмодерн, проявляющиеся, в первую очередь, в реальности межполового и брачно-семейного взаимодействия.

На протяжении длительного времени в нашей стране в общественном сознании доминировали представления о традиционной семье, основанной на едином ценностном фундаменте, (семьецентризм, супружеская верность, единобрачие, иерархичность, добрачное целомудрие, многодетность, многопоколенность, общественное одобрение брака) (И. И. Белобородов) [2]. Традиционная семья, как нормативная модель, опирающаяся на аутентичный духовный опыт России (С. С. Хоружий) [14], транслировала устоявшиеся образцы семейного взаимодействия, и не только обеспечивала воспроизводство населения, но и служила способом сохранения исторической, культурной и духовной преемственности поколений, опыта рода, а также создавала условия для формирования личности, способной к ведению стабильного семейного образа жизни.

Деконструкция традиционного дискурса, касающегося, в первую очередь, семейных отношений, в силу целого комплекса причин (духовных, культурно-исторических, психологических) привела к симплификации (А. В. Запорожец) [7] — обеднению как общественного, так и индивидуального сознания образцами традиционного семейного взаимодействия. Не утратив своего значения и в настоящее время, традиционные отношения в значительной степени уступили место семьям модерна (нуклеарная, эгалитарная семья). Зародившись в эпоху Просвещения, идеология модерна, основанная на абсолютизации человеческого разума, во многом способствовала, по словам М. В. Захарченко, формированию «проектного мышления» [8, с. 15], основным радикалом которого стало самоизменение, самореализация человека, созидающего себя без оглядки на традиции прошлого. Подобное мировоззрение во многом определило специфику семейных отношений, строящихся на взаимовыгодном партнерстве равных участников, поддерживающих его до тех пор, пока оно способствует личностному, в том числе профессиональному и карьерному росту (Б. М. Бим-Бад, С. Н. Гавров) [3].

Подобный тип семейных отношений в меньшей степени зависит от устоявшихся традиций общества, и, в большей — от своеобразия личностных отношений и интересов супругов, в сферу которых может не входить многодетность (доминирует концепция планирования семьи) и нерасторжимость брака (браки могут быть расторгнуты в том случае, если исчерпал себя). Следствием подобной стратегии является малодетность (средний размер семьи в России сегодня составляет примерно 3 человека, что не позволяет воспроизводить семейный образ жизни как таковой), а также большое количество разводов. В среднем по России на 1000 вновь созданных браков приходится до 800 и более распадов семей. Кроме этого, можно упомянуть проблемы, связанные с абортами, ростом числа внебрачных рождений детей, суррогатным материнством, в той или иной степени являющиеся следствиями стратегии семьи модерна.

Идеология постмодерна, зародившаяся во второй половине XX века в западной Европе и распространившаяся в 90-е годы в России, основанная

на абсолютизации свободы человеческой личности, не скованной рамками морали, нравственности и нормами общества, нашла свое отражение и многообразной реальности отношений полов. Зачастую в практической плоскости они принимают характер сожительства, нетрадиционных отношений, промискуитета и др. Мировоззренческая позиция, лежащая в основе подобных практик (делать и поступать так, как человек считает приемлемым для себя), влечет за собой целый спектр проблем, среди которых, (помимо упомянутых выше) следует отметить сознательную бездетность (чайлдфри), женскую эмансипацию и мужскую феминность, инфантилизацию, влекущие за собой тотальную утрату способности к семейному образу жизни.

Существование (суперпозиция), как в общественном, так и в индивидуальном сознании нескольких противоположных, подчас взаимоисключающих картин мира, порождает ценностную бифуркацию, а также серьезные экзистенциальные трудности, приводящие к дезорганизации личности, утрате способности к адаптации (А. Тоффлер) [13], в первую очередь, юношества, как категории населения, наиболее чутко реагирующей на социальные перемены.

Результаты многочисленных исследований показывают, что семья и семейный образ жизни все же остаются наиболее значимыми для юношей и девушек в иерархии ценностей (А. С. Барашкова, Р. И. Бравина, А. В. Крутых, Т. К. Ростовская, В. Е. Семенов, Т. Ю. Сорокина и др.). Однако, несмотря на этот факт, представления юношества о формах взаимоотношения полов до брака, а также моделях семьи и ролевых стереотипах взаимодействия в ней в настоящее время зачастую характеризуются фрагментарностью, противоречивостью и неоднородностью. Указанная тенденция проявляется не только в доминировании представлений о допустимости свободных добрых отношений, но и в появлении новой реальности, вернее, псевдоральности, находящей свое выражение в виртуальных знакомствах, длительных или краткосрочных отношениях, заканчивающихся даже виртуальными браками. По мнению А. А. Лазаревича происходит виртуализация сознания [9], представляющая собой один из наиболее серьезных «вызовов времени», предлагаемых в избытке современным миром. В результате использования подобных и упомянутых выше практик происходит обеднение, выхолащивание отношений между полами, превращение их в объект манипуляций, направленных на решение вполне прагматических целей, далеких от создания крепкой семьи, стремящейся продолжить себя в детях.

В конечном итоге это порождает тотальную утрату способности молодежи к семейному образу жизни, индикатором чего являются уже упомянутые выше проблемы: многочисленные разводы, малодетность, сознательная бездетность, отсрочивание возраста вступления в брак или же сознательный выбор одиночества. Подобные стратегии ведут к тому, что возникает серьезная угроза отказа от фамилистической цивилизации с переходом к цивилизации бессемейной (А. И. Антонов) [1].

Таким образом, теоретический вопрос, касающийся мировоззренческого плюрализма в области семейных отношений, активно обсуждаемый в настоящее время в различных дискурсах, неизбежно переходит в практическую плоскость, так как затрагивает саму возможность воспроизведения семейного образа жизни как такового и сохранения (как минимум) численности населения России. Указанная проблема, несомненно, имеет общегосударственное значение и определяет поиск возможностей для формирования у юношества традиционного по своей сути семейного сознания как основы прочной семьи и образа жизни семьянина.

В настоящее время государство уделяет большое внимание восстановлению института семьи, о чем свидетельствует совокупность документов и материалов, акцентирующих значимость укрепления традиционных семейных ценностей (Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в июле 2020 года; Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года; Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года; Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России в сфере общего образования; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года; Материалы совместного заседания Государственного Совета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте Российской Федерации «О взаимодействии государственных органов власти и религиозных объединений в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования молодёжи» и др.).

Однако для того, чтобы произошли качественные изменения, подразумевающие формирование традиционного семейного сознания юношества, воплощающегося в практической способности к стабильному семейному образу жизни, требуется участие всех сил общества, среди которых большая роль принадлежит образовательной среде. Образовательная среда является важнейшей частью внешней среды подрастающего поколения, так как, во-первых, она тесно сопряжена с базовыми потребностями обучающихся, а во-вторых, обуславливает их приобщение к социокультурным нормам и ценностям, обеспечивая, наряду с семьей, полноту вхождения каждого человека в многообразный макромир. По мнению С. И. Гессена, цели образования тесно связаны с целями жизни общества, и, как жизнь определяет образование, так и образование воздействует на жизнь [4].

Следует отметить, что в настоящее время в образовательное пространство стремительно возвращаются семейно ориентированные дисциплины («Нравственные основы семейной жизни» (Д. А. Моисеев, Н. Крыгина), «Подготовка студентов к созданию семьи и ответственному родительству» (Г. В. Новикова), «Православное семейведение» (Е. А. Морозова), «Семьеведение» (Е. И. Зритнева), «Культура семейных отношений», «Семейные ценности и традиции русской православной культуры» (О. В. Лебедева)

и т. д.)), как в формате образовательных курсов, так и факультативов. Постепенно вырисовываются контуры новой предметной области — семейно-ориентированного образования. Без сомнений, указанные практики являются чрезвычайно значимыми и плодотворными, однако, с нашей точки зрения, подобное локальное использование информационного ресурса образовательной среды не способно в полной мере решить проблему формирования традиционного семейного сознания.

В этой связи особенно актуальным становится создание обогащенной (амплифицированной) образовательной среды. Амплификация образовательной среды — это многовекторный и многоуровневый процесс, предполагающий информационное, коммуникативное, аксиологическое и событийное обогащение ее звеньев семейно ориентированными смыслами и ценностями с учетом нескольких уровней, тесно взаимосвязанных между собой [11].

Учет федерального уровня подразумевает использование семьеобразующего потенциала, реализующегося в рамках государственной поддержки института семьи; создании идеала многодетной семьи как социальной нормы через СМИ; системном введении семейно ориентированных дисциплин в образовательную среду; комплексном обогащении контента сети «Интернет» информацией, направленной на повышение престижа крепкой семьи, создании и продвижении семейно ориентированных сайтов.

Региональный уровень охватывает поддержку семьеобразующих инициатив, региональных сообществ, союзов, продвигающих концепты прочной семьи, материнства и детства; введение в образовательную среду регионального компонента — семейно ориентированных курсов; создание сети практико-ориентированных центров, направленных на помощь семье; просветительскую деятельность; информационное обогащение сети «Интернет» позитивно заряженной информацией о традиционной семье и семейных ценностях.

Муниципальный уровень нацелен на поддержку указанных инициатив в рамках отдельных муниципалитетов.

Субъектный уровень подразумевает обогащение участников образовательных отношений: личности обучающихся смыслами и ценностями, присущими традиционной семье, в рамках семейно ориентированных дисциплин, факультативов, практик, имеющих общую цель — формирование традиционного семейного сознания; семьи как коллективного субъекта посредством информационно-просветительской, профилактической деятельности в формате обучающих семинаров, курсов, практик для родителей, посвященных семейной тематике; педагогического сообщества в рамках прохождения курсов повышения квалификации, участия педагогов в мастер-классах, педагогических мастерских, конкурсах лучших педагогических практик.

Подобный комплексный, многоуровневый подход к формированию традиционного семейного сознания во многом будет способствовать решению задачи укрепления института семьи и возрождения семейного образа жизни в условиях ценностной бифуркации в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства. [Электронный ресурс]. — URL: <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Белобородов И. И. Традиционные ценности: наполнение смыслом. [Электронный ресурс]. — URL: https://ruskline.ru/special_opinion/2017/iyun/tradicionnye_cennosti_napolnenie_smyslom (дата обращения: 27.01.2021).
3. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: монография. — М.: Интеллектуальная книга — Новый Хронограф, 2010. — 327 с.
4. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Учебное пособие для вузов. — М.: «Школа-Пресс», 1995. — 448 с.
5. Иванов Е. О. Защита семьи и традиционных семейных ценностей как фактор национальной безопасности России // Информационный портал семейной политики. [Электронный ресурс]. — URL: https://ivan4.ru/news/semeynye_tsennosti/doklad_zashchita_semi_i_traditsionnykh_semeynykh_tsennostey_kak_faktor_natsionalnoy_bezopasnosti_ros/ (дата обращения: 12.10.2020).
6. Ильиных С. А. Типология семейного сознания студенческой молодежи: опыт социологического анализа // Вестник Бурятского государственного университета, 2014. — № 14 (1). — С. 50–57.
7. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1. — М.: Педагогика, 1986. — 320 с.
8. Захарченко, М. В. Современность как аспект педагогического идеала // Духовно-нравственное воспитание, 2019. — № 1. — С. 13–20.
9. Лазаревич А. А. Глобальная информационная эпоха // Грядущее информационное общество. Проблема индивидуальной нравственности. — Минск: Беларус. наука, 2006. — 257 с.
10. Морозова Е. А. Теоретико-методологическое обоснование феномена семейного сознания как предмета педагогического исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2019. — № 5(138). — С. 23–26.
11. Морозова Е. А. Амплификация образовательной среды как способ создания условий для формирования семейного сознания юношей и девушек — студентов вузов // Известия Воронежского государственного педагогического университета, 2019. — № 2(283). — С. 7–9.
12. Слободчиков В. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 384 с.
13. Тоффлер Э. Шок будущего. — М.: АСТ, 2001. — 560 с.
14. Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. — М.: Изд-во Парад, 2005. — 448 с. (Современная философская мысль).

Федорова Анна Валерьевна,

кандидат философских наук, доцент Поволжского института управления
им. П. А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы,
361955@bk.ru

ПРОСТРАНСТВО И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В статье рассмотрены основные конфигурации вызовов для современной семьи, которые проясняют существенные изменения, происходящие с ней. Первая конфигурация связана с личностью, локдаунами, морально-нравственными основаниями деятельности, социальными институтами. Вторая конфигурация — с темпоральностью, раскрывается через неопределенность, риски и конфликты. Использован метод аналитической матрицы, позволяющей определить стратегии преодоления вызовов.

Ключевые слова: пространство, время, современность, семья, неопределенность, риски, конфликты.

Fedorova A. V.

SPACE AND TEMPORALITY OF THE MODERN FAMILY AND NEW CHALLENGES

The article examines the main configurations of challenges for the modern family, which clarify the essential changes that are taking place with it. The first configuration is associated with personality, lockdowns, moral and ethical foundations of activity, social institutions. The second configuration is associated with temporality. It is revealed through uncertainty, risks and conflicts. The method of the analytical matrix was used to determine the strategies for overcoming challenges.

Keywords: space, time, modernity, family, uncertainty, risks, conflicts.

Семья как форма кооперации человеческой деятельности, в современных условиях утрачивает собственную значимость и ценность. Эти обстоятельства в меньшей степени зависят от воли и свободы выбора отдельных личностей. Почему это происходит, на какие процессы и явления общественной жизни опирается и каким образом грамотно ответить на возникающие вызовы с консервативной позиции традиционных ценностей и настроений? Попробуем проанализировать динамику изменений пространства и временных особенностей (темпоральности) семьи в условиях современных вызовов, используя аналитическую матрицу [11, с. 190–202]. Для этого выявим основные вызовы современности, источники, причины, условия, факторы, субъекты и объекты, виды рисков и конфликтов, уровень и степень рискогенности и конфликтогенности, а также определим основные стратегии по управлению современными семейными практиками.

Пространство, темпоральность, семья и вызовы, обращенные к ней, образуют тетраэдр, определяющий локацию проблем, связанных с современной семьей. Что такое проблемы современной семьи и локация этих проблем? Проблема — это противоречие в функционировании и развитии, которое не решается привычными методами и способами, долго существует и мешает деятельности семьи как системы. Семья — это открытая, уязвимая, нелинейная, неравновесная система, состоящая из личностей, каждая из которых представляет неоспоримую ценность друг для друга и для общества, процессов, структуры, опирающуюся на иерархию и власть, доверие, легитимации и подчинение. По отношению к обществу семья выполняет ряд функций. Бесспорно, существует множество моделей семьи, мы описываем традиционную семью: папа, мама, дети, близкие и дальние родственники (братья, сестры, дяди и тети), старшее поколение (бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки...)

Пространство современной семьи динамично разворачивается под влиянием новых вызовов и определяется конфигурациями общественных систем, социальных институтов, личностей, неопределенности пространственных локаций, рисками локдаунов, межличностными и внутриличностными конфликтами, духовными или морально-нравственными основаниями деятельности [2, с. 285–303]. Задача современной семьи найти ответы на возникающие вызовы. Каким образом она это делает? Попробуем проанализировать. Современное общество характеризуется неэффективной работой социальных институтов во всех сферах общественной жизни [12, с. 55–81]. Не является исключением и семья. К традиционному набору функций, которые она выполняла, прибавились: обучение детей (эта функция перешла от школы), обеспечение физической, информационной и финансовой безопасности членов семьи (от государства), духовное развитие (от института церкви), эстетическое развитие (от институтов культуры), интеграция в инфо-пространство, сетевое пространство и онлайн-пространство (от коммуникационных систем общества).

Темпоральность семьи проявляет себя в развороте неопределенности, связанной с временными модусами, рисками социальных ролей и статусов, темпами и ритмами протекающих событий, ценностными основаниями личности. Начнем анализ с ценностных оснований личностей, которые образуют семью [3, с. 71–84]. В православной традиции в семье мы можем наблюдать иерархию отношений: муж — глава семьи, младшие дети подчиняются старшим, отношения со старшим поколением насыщены уважением, почитанием. Семья, представленная несколькими поколениями, устремлена в своей духовной работе к Богу. Жизнь семьи — это со-работничество с Богом. Семья — это единый живой организм, опирающийся на любовь и взаимопонимание. Любовь не в смысле эмоций и чувств, а в смысле жертвенности, служения другому. Каждый из членов семьи раскрывает себя и все

лучше и лучше познает другого. И чем больше узнает, тем больше ему это нравится. Это внутренняя наполненность семейной жизни, ее системности и целокупности. Внешний мир ценностно противостоит современной семье [4, 8]. На смену принципам уязвимости, вере в Бога и любви друг к другу приходят принципы независимости (я могу, я сам(а)), любви к себе (эгоизм) и вера в собственное всемогущество (человек — начало и конец мира).

В связи с этим изменяются социальные роли и статусы. Женщины начинают играть роль главы семьи, принимая на себя не присущей им функции. Дети становятся центром семейной жизни, супруги больше не ориентированы друг на друга, не являют собой единое целое. Они так и говорят: «Главное — дети!» Нарушается естественная динамика семейной жизни, основанная на послушании. В некотором смысле любовь детей к родителям — это послушание. Дети, лишённые привычки к труду, становятся эгоцентриками, для которых созданы все благоприятные условия. Напряжение семейной жизни зачастую нестерпимо для всех членов семьи [1, с. 292–304]. Родители, лишённые единодушия и мира как в душе, так и в семье, вместо того, чтобы настоять, потребовать и проверить, отступают. Они рады, если дети не тревожат, заняты гаджетами. Разрушается поле семейных коммуникаций, бесед за совместными трапезами на самые обыденные темы «как прошел день», «что хорошего и что плохого случилось». Во многом это обусловлено нарастающими темпами и ритмами протекающих событий. А беседы, напротив, требуют неспешности, неторопливой сосредоточенности. Дополнительную сумятицу вносят тревоги и волнения за будущее, обиды и недомолвки прошлого.

Семья — это не только живая ткань общения и внутренней жизни. Это и открытая, нелинейная, неравновесная, хрупкая в достижении порядка, устойчивости, стабильного функционирования подсистема общественной жизни. Этот важный тезис опирается на понимание, что современным миром правят системы [6, с. 94–98]. Они отличаются открытостью по отношению к внешним и внутренним обстоятельствам функционирования и изменения. Открытость означает сенситивность, чувствительность и готовность изменяться в ответ на доносящиеся вызовы. Ряд исследователей употребляет понятие «событийного мониторинга» или анализа важных условий и факторов для деятельности системы. Трудности современного мониторинга заключаются в несвоевременности проводимых мероприятий, мы запаздываем по времени, поскольку мониторинг, и аналитика требуют времени. А современные системы требуют времени. Нелинейность проявляет себя в том, что утрачивают актуальность причинно-следственные связи и отношения. События и обстоятельства оказываются связанными совершенно невероятным образом, который можно описать только метафорично: лента Мебиуса, анастамотик ретекурум, квантовость, действия Бога, Вселенной, Мира [7, с. 141–175]. Насим Талеб, современный исследователь неопределенностей писал:

...миром движет аномальное. Неизвестное и маловероятное (маловероятно с нашей, непросвещенной точки зрения); а мы при этом проводим время в светских беседах, сосредоточившись на известном и повторяющемся [9, с. 30].

Хрупкость означает такое отношение к состояниям порядка, стабильности и устойчивости, когда мы не стремимся искусственно удерживать эти состояния, не застреваем в них. Это понимание порождает внимание и интерес к неизвестному, «антибиблиотеку» Умберто Эко (те книги, которые мы еще не успели прочитать). Уязвимость, неравновесность и хрупкость появляются тогда, когда возникает доверие к нарративам, а не опыту или фактам.

Важными условиями становятся: высокая неопределенность, риски и конфликты. Неопределенность — это ситуация, когда личность или семья в целом не может спрогнозировать развитие тех или иных событий. Обратим внимание на информационную неопределенность, связанную с недостатком или избытком информации, с экспертным знанием. Недостаток информации способен привести к ограниченности и ошибочному выбору. Следствием избытка информации может быть большие временные затраты на поиски и структурирование необходимой информации. Трудности с выделением ключевой информации также являются существенными в процессах принятия решений. Горизонт будущего закрыт. Мы становимся «слепыми» по отношению к причинам событий и действий, а также к возможным последствиям развития тех или иных событий [5, с. 41–89]. В личности и семье возникает желание по преодолению неопределенности. Тогда возникают риски — действия, события, процессы, направленные на преодоление информационной и темпоральной неопределенности с благоприятным/неблагоприятным исходом развития дальнейших событий. Высокие риски коррелируют с конфликтами.

Будем понимать под конфликтами в поле семьи коммуникационные действия, связанные с нарушением нормы, сопровождающиеся высокими рисками [10, с. 121–135]. Конфликты позволяют сплотить семью, проявить противоречия, развивать личности в семье и семью в целом. Важно понимать, что конфликтам присущи и негативные функции: ранят и разрушают сложившиеся отношения, приводят к отчужденности, оттягивают жизненную энергию от дел и событий семьи, требуют владением технологиями управления конфликтами. Присутствуют конфликты на границе семьи и общества, когда внутренне устройство семьи входит в противоречие с ценностными установками и нормами общественной жизни. Каким образом с одной стороны, сохранить самобытность и целостность внутренней жизни семьи, а с другой стороны, оставаться открытой миру и меняющимся условиям?

Ответ лежит в духовной плоскости семейной жизни. Духовная или морально-нравственная современной жизни семьи опирается на традици-

онные ценности, семейные ценности, связанные с европейской культурой, на основании новой этики и религиозные ценности православной культуры [4, с. 14–20]. Многие из перечисленного конфликтуют друг с другом. Например, ценности и нормы, определяющие жизнь православной семьи может противоречить нормам и ценностям европейской культуры или этическим правилам, принятым в том или ином обществе. Эти конфликты связаны с различным пониманием цели жизни, свободы, воли, необходимости действий, роли семьи, ее предназначения в современном обществе, ценности жизни и смерти [1, с. 31–61].

В рамках реализации ценностей православной культуры могут быть найдены выходы из сложившихся обстоятельств: отказ от собственного эгоизма в привычном понимании и поиск новых форм кооперации. Мы неверно понимаем и используем понятие «эгоизм», как воздействие на что-либо или кого-либо в собственных, чаще всего корыстных целях. Однако, если рассматривать эгоизм в качестве понимания и углубления собственной индивидуальности, то эгоизм, присущий нам, становится важным инструментом выстраивания диалога с Богом, с ближним, с миром, с собой посредством узнавания Бога, мира и другого [8, с. 39–67]. Эгоизм помогает увидеть другого во всей его полноте, целостности, быть интенционально устремленным к нему для того, чтобы открывать другого для себя и себя для другого. Кооперация означает со-настроенность, со-работничество с Богом, с ближним.

Таким образом, мы можем утверждать, что современная семья находится в сложной и противоречивой ситуации. Внутренняя и внешняя темпоральности не совпадают. Внутренняя жизнь семьи требует сосредоточенности, собранности, неспешности. Внешняя среда настаивает на быстрых темпах и рваных ритмах, на слабой прогнозируемости событий будущего. Она несет высокую неопределенность и риски. Темпоральность оказывается тесно связанной с ценностными основаниями жизни современной семьи. И в случае православной семьи, мы наблюдаем конфликт ценностей внешнего мира и ценностей внутри семьи. Пространственные особенности представляют собой совокупность жизненных пространств членов семьи. Как ни странно, именно темпоральные и пространственные конфликты и противоречия способствуют нахождению выхода из сложившихся обстоятельств. Стратегии преодоления современной ситуации, достойного ответа на многочисленные вызовы просты по своему пониманию и сложны по степени реализации. Необходимо отказаться от собственного эгоизма и найти новые формы кооперации для решения глобальных общечеловеческих вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василий Великий. Беседы. — М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергеевой Лавры, 2001. — 383 с.
2. Гильдебранд Д. фон. Метафизика коммуникаций. — СПб.: Алетейя, 2000. — 373 с.
3. Йонссон Б. Десять размышлений о времени. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. — 136 с.
4. Каледа Г. Домашняя церковь. Очерки духовно-нравственных основ созидания и построения семьи в современных условиях. — М.: Зачаевский монастырь, 2001. — 281 с.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. — М.: КомКнига, 2006. — 232 с.
6. Морем Э. О сложности. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. — 284 с.
7. Руднев В. Новая модель реальности. — М.: Издат дом Высшей школы экономики, 2016. — 224 с.
8. Святогорец П. Слова. Т. IV: Семейная жизнь. — М.: Орфограф, 2017. — 336 с.
9. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. — М.: Колибри, 2016. — 736 с.
10. Федорова А. В. Конфликтология. — М.: КНОРУС, 2019. — 212 с.
11. Федорова А. В. Риск-менеджмент. — М.: КНОРУС, 2018. — 212 с.
12. Фролова С. М. Институализация и рискогенность повседневной жизни общества. — Саратов: Научная книга, 2013. — 161 с.

Собольникова Елена Николаевна,
кандидат философских наук, доцент Северо-Западного государственного
медицинского университета имени И. И. Мечникова,
sobolnikova@list.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: МАСКУЛИННОСТЬ И МУЖСКИЕ РОЛИ

В статье рассматривается появление и развитие одного из направлений гендерных исследований — men's studies (мужских исследований) — как результат «критического взгляда» на феминистские теории в обществе, повлиявшего на процесс переосмысления проблемы мужской идентичности, социальной и половой роли мужчины в обществе, трансформации образа мужчины в культуре. Представлен анализ основных проблем современной «социальной андрологии»: маскулинности, мужской гендерной роли, трансформации образа мужчины и феномена отцовства, показаны основные модели маскулинности в обществе, их подвижность и релятивность.

Ключевые слова: men's studies, маскулинность, гендерные роли, мужская идентичность, гендерные исследования, философская антропология.

Sobolnikova E. N.
**THE PROBLEMS OF GENDER STUDIES:
MASCULINITY AND MALE ROLES**

The article examines the emergence and development of one of the areas of gender research (men's research), as a «critical view» of feminist theories in society, which influenced the process of rethinking the problem of male identity, the social and sexual role of men in society, and the transformation of the image of men in culture. The analysis of the main problems of modern «social andrology» is presented: masculinity, male gender role, transformation of the image of a man and the phenomenon of fatherhood, the main models of masculinity in society, their mobility and relativity.

Keywords: men's studies, masculinity, gender roles, male identity, gender studies, philosophical anthropology.

В связи с тем, что на рубеже XX–XXI веков изменяются социальные роли мужчины и женщины, трансформируются образы феминности и маскулинности, гендерной и сексуальной культуры людей, возникает потребность в исследовании гендерной проблематики и восполнение имеющегося пробела в гендерных исследованиях — изучение проблемы маскулинности в современной культуре. Современная гендерология позволила вывести на более высокий теоретический уровень проблему социального взаимоотношения полов, что способствовало появлению двух основных направлений научных исследований: women's studies (женские исследования), в том числе феминология, и men's studies (мужские исследования). Возрастающий интерес к исследованию образа мужчины в культуре именно в конце XX века во многом был связан с интересом к кросс-культурным исследованиям, где «вместо

одного или даже двух полов в центр внимания гендерных исследований помещаются, по меньшей мере, пять полов: женский, мужской, гетеросексуальный, гомосексуальный и транссексуальный» [19, с. 37]. Центр научных исследований смещается с проблемы феминизма к проблеме исследования гендера: «Смещение акцента скорее на «пол», а не просто на «женщин», позволил заняться изучением мужских качеств» [17, с. 96]. Таким образом, появление и развитие men's studies (мужских исследований) стало результатом противостояния влиянию феминистской теории и возрастающее стремление переосмыслить вопрос о мужской идентичности, о социальной и половой роли мужчины в обществе, о трансформации образа мужчины в культуре.

Область научных исследований men's studies (мужских исследований), как и название данного направления — до сих пор является предметом научных дискуссий. Известно определение И. С. Кона, где «под мужскими исследованиями обычно понимают предметную область знания, охватывающую всё то, что касается мужчин, включая биологию мужского тела, мужское здоровье и т. п. Этот мужской аналог феминологии можно было бы назвать социальной андрологией. Маскулинность же чаще трактуется как особая социальная идентичность, которая существует исключительно в определённом социуме и изменяется вместе с ним» [9, с. 571]. Иными словами, «маскулинность — это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли [16, с. 142]. Таким образом. Маскулинность понимается как комплекс нормативных, характерологических, поведенческих и психологических черт, свойств и особенностей, а также социальных установок традиционно приписываемых и присущих только мужчинам (сила, властность, авторитарность, жёсткость, мужество, ответственность, настойчивость, лидерство и др.).

С развитием men's studies (мужских исследований), основными проблемами научного исследования становятся такие проблемы как: маскулинность, мужество, мужская гендерная роль, дискриминация мужчин, трансформация образа мужчины и гендерной роли, мужская идентичность, феномен отцовства, гомофобия и гомосексуализм, мужская проституция и др. Наиболее актуальной среди основных проблем в области социальной андрологии является проблема «мужской телесности» или репрезентации мужского тела в культуре (И. Кон, А. Синельников, Е. Барабан и др.). Мужское тело воспринимается в культуре, с одной стороны — как символ власти и силы, с другой стороны — как символ красоты и удовольствия. Мужское тело всегда изображалось находящимся в движении, т. к. активность и движение являются одними из признаков маскулинности. Известно, что пассивная, расслабленная поза выглядит в глазах мужчин как уязвимая, что порождает страх показаться женственным, что находит отражение в «критериях» мужской привлекательности в культуре, поскольку «красивый, из-

ящный мужчина часто вызывает подозрения в женственности, дендизме и гомосексуальности» [10, с. 46]. Тогда как «настоящий мужчина» должен быть грубоватым и лишённым стремления нравиться, что неизбежно порождает практики тотального контроля над телом, связанные с повышенным самоконтролем, манипулированием собой, стремление к самокоррекции. Если изначально в культуре объектом самоконтроля со стороны мужчины была сфера желаний души, то в современной культуре — им становится тело, его количественные, внешние параметры. Мужское тело не только должно выглядеть активным и деятельным, но и быть подтянутым, упругим, спортивным: «Тело выступает как система естественных символов. Образы нежелательных выпуклостей и раздувающихся животов в определенном отношении представляют собой метафору беспокойства по поводу неконтролируемых внутренних процессов: ничем не сдерживаемого желания, безудержного голода, спонтанных импульсов. Образы извергающейся плоти используются в фильмах ужасов и кинокартинах об оборотнях. Идеальным считается ровное, подтянутое тело: тело, которое не выпускает лишнюю плоть наружу, внутренние процессы которого контролируются. Дряблые, рыхлые части тела призваны вызывать отвращение даже на очень худых телах. Удаление целлюлита, как и липосакция, — стремление к плотному, упругому, подтянутому телу» [7, с. 170]. Средства массовой информации каждый день навязывают способы все более эффективных методик репрессии мужского тела, в основе которых лежат психологические аффекты страха, вины и стыда. Угрожающее «женское начало» ассоциируется с поглощением и телесностью, противопоставляется «мужской» способности к волевому усилию и контролю. Современному «идеальному» мужчине предписывается постоянно сокращать размеры своего тела, делать его поверхность гладкой, бороться с его запахами и растущими из него волосами [18, с. 91–116].

С другой стороны, если сравнивать подобные техники контроля тела у мужчин и женщин, то, по мнению Е. Барабан, вопрос телесности и стройности у мужчин отступает на второй план: «...общество относится с гораздо большим терпением к избыточному весу у мужчин, чем у женщин. Поэтому мужчина и женщина с одинаковым количеством лишних килограммов воспринимаются по — разному. Если для женщины десять лишних килограммов представляются катастрофой, то десять лишних килограммов у мужчины становятся невидимыми, не замечаются или же воспринимаются как небольшой недостаток» [1, с. 132]. Данная «двойственность» в отношении репрезентации мужской телесности в культуре, возможно, объясняется стремлением демонстрации власти над телесными проявлениями посредством обладания материальными благами и умением накапливать их, путем организации труда других людей и способности перераспределять ресурсы.

В этом контексте, система властных отношений, проявляющаяся на почве профессиональной деятельности, приводит к еще большей дифференци-

ации моделей маскулинности в обществе: физическая сила и умения — для рабочих, телесная репрезентация и перформанс — для офисных клерков. Как отмечает А. Ваньке, «регулирование телесности в сфере труда управляет эмоциональными отношениями и, как следствие, сексуальной жизнью мужчин из обеих групп. Наряду с этим режимы производственного и офисного труда генерируют разные логики управления мужской телесностью, которые воспроизводятся в приватной сфере и используются для создания мужской субъективности» [4, с. 85]. Мужчины могут неосознанно переносить «телесные схемы», которые являются «итогами телесного опыта», как воспитания в культуре (П. Бурдьё, М. Мерло-Понти), на приватную сферу и, соответственно, воспроизводить их в сексуальной жизни [12, с. 135–138]. В результате исследования, А. Ваньке, показывает, что культура представляет «неравные шансы» создать «успешный» маскулинный субъект для «синих» и «белых воротничков» в структуре современных производственных отношений: первые даже при условии большого количества неупорядоченных сексуальных контактов кодифицируют себя как «неудачников», тогда как вторые даже в случае недостаточно активной сексуальной жизни воспринимают себя как «состоятельных» и иногда стремятся представить свой «успех» через телесное самовыражение и самопрезентацию. «Подобная ситуация возникает в силу того, что синие и белые воротнички как представители социально-профессиональных групп имеют разное социальное положение и находятся в неравных властных отношениях подчинения и господства» [4, с. 102]. Гомоэротический взгляд и женский взгляд на мужское тело еще больше усиливают эти тенденции. По мнению А. Синельникова, «...мужская нагота не угрожает прочности патриархальных структур. Репрезентации обнажённых мужских тел происходят внутри патриархата и являются нарциссическим взглядом доминирующих моделей» [15, с. 218].

В противовес этому снова возникает тоска по «настоящему мужскому телу», реализующаяся не столько в элитарном искусстве, сколько в массовой культуре. Особенно интересна в данном контексте проблема гендерной агрессии и гендерных конфликтов (И. В. Грошев, Ш. Берн, Р. Бэрн, Д. Ричардсон и др.). Ш. Берн считает, «...что мужчин нередко принуждают к агрессии окружающие. Кто-либо ставит под сомнение их самоуважение или общественное положение, а мужчины представляют, что в глазах других их пассивность будет оценена негативно» [2, с. 111–112]. И, зачастую, чтобы подтвердить свою мужественность, мужчины выбирают социальные роли, которые априори предполагают проявление агрессивного поведения (военное дело, спорт и др.), «...приобретая, таким образом, навыки и опыт агрессивных действий» [2, с. 112]. Во многих культурах считается, что представители мужского пола не только являются, но и должны быть грубее, самоувереннее и агрессивнее женщин, тогда как «женщины рассматривают агрессию как экспрессию — как средство выражения гнева и снятия стресса

путём высвобождения агрессивной энергии. Мужчины же, напротив, относятся к агрессии как к инструменту, считая её моделью поведения, к которому прибегают для получения разнообразного социального и материального вознаграждения» [3, с. 220].

Проблема гендерной агрессии у мужчин непосредственно связана с понятием гендерного конфликта, т. е. с противоречивым восприятием гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей. Различия в моделях поведения мужчин и женщин становятся причинами внутриличностных, межличностных и межгрупповых конфликтов» [16, с. 70]. По мнению И. Грошева, «гендерный конфликт — это столкновение и одновременно взаимодействие двух культур (женской и мужской), протекающее не в некоем абстрактном обществе, а в конкретной социальной среде, с её социокультурными условиями, что определяет значимость, актуальность и перспективность его исследования» [6, с. 64].

Несмотря на наличие некоторых транскультурных инвариантов, эстетика мужского тела и критерии мужской красоты в культуре во многом зависят от гендерной стратификации и особенностей жизнедеятельности мужчин и женщин, причем разные каноны и образы маскулинности не только сменяют друг друга, но и сосуществуют. Чем сложнее культура, тем больше она допускает нормативных вариаций и индивидуально-групповых различий, которые особенно заметны на уровне повседневной жизни, где гендерная роль будет включать несколько видов социальных ролей, набор ожидаемых образцов поведения (или норм) для мужчин и женщин [6, с. 61]. Таким образом, под мужской гендерной ролью можно понимать набор правил и социальных норм поведения, диктуемых обществом и традиционно присущих данной культуре, посредством которой происходит социализация мужчины.

Каждый мужчина выполняет несколько ролей, кроме традиционно сложившихся (кормильца, защитника и добытчика), выполняет и роль сына, мужа, отца, друга, начальника или подчинённого и т. д. Иногда эти гендерные и половые роли попросту несовместимы, что приводит к полоролевому конфликту, например, роль «сына» и «мужа». Мужские гендерные роли мальчики усваивают в процессе социализации. По мнению И. Кона, «мальчики становятся тем, что они есть, не столько в результате прямого научения со стороны взрослых, сколько в результате взаимодействия с себе подобными, в рамках однополых мальчишеских групп, где неизбежно множество индивидуальных и межгрупповых вариаций [9, с. 580]. Д. Гилмор писал: «вместо того, чтобы позволить свободно отыграть половые роли и гендерные идеалы, большинство обществ тяготеет к тому, чтобы преувеличивать, излишне подчёркивать биологические потенциалы посредством чёткого разграничения сексуальных ролей и посредством определения правильного поведения для мужчин и женщин как противоположностей или взаимодополняющих членов пары... Вопрос о непрерывностях в представлении гендера должен

быть рассмотрен даже вне вопроса о генетической предрасположенности, а именно — в контексте рассмотрения культурных норм и моральных предписаний» [5]. Мужские гендерные роли, по мнению Ш. Берн, связаны с некоторыми факторами: во-первых, «...с ожиданиями, что мужчины завоёвывают статус и уважение других (норма статуса); во-вторых, норма твёрдости, которая отражает ожидания от мужчин умственной, эмоциональной и физической активности; в-третьих, ожидания того, что мужчина должен избегать стереотипно женских занятий и видов деятельности (норма антиженственности) [2, с. 167].

В настоящее время, как отмечалось выше, происходит трансформация образов мужчин, мужских ценностей и мужских гендерных ролей в культуре: «Трансформация традиционных мужских ценностей и канонов маскулинности — общее неумолимое требование времени. Нравится он нам или нет, этот процесс давно уже идёт во всём мире, включая Россию. Хотя каноны маскулинности и феминности взаимосвязаны, представления жизни и образы меняются и обновляются быстрее мужских, а женские представления о мужчинах и представления мужчин о самих себя часто не совпадают. При этом одни склонны преувеличивать, а другие — преуменьшать масштабы происходящих перемен» [10, с. 240]. Можно согласиться, что на рубеже веков и в первой половине XX века произошли существенные изменения в образе женщин, эволюционировали представления о супружеских отношениях, но образ мужчины оставался достаточно стабильным» [8, с. 284]. Однако, в конце XX — нач. XXI века образ мужчины и каноны (парадигмы) маскулинности начинают значительно трансформироваться, что оказывает влияние на все сферы современной культуры. Например, подобные изменения достаточно заметны в процессе трансформации феномена отцовства, которые связаны как с подвижностью, неопределённостью гендерных ролей в семье, так и с отказом от модели патриархальной семьи. По мнению В. А. Рамих: «Ломка патриархальной системы отношений ведёт к тому, что главным, а нередко, единственным родителем становится мать. Причём речь идёт не только о неполных, но и о семьях с так называемой скрытой безотцовщиной, где отец по тем или иным причинам уклоняется от участия в воспитании детей. Это связано частично с тем, что по сравнению с прошлым сужаются отцовские функции, снижается его авторитет. Традиционные для мужчин функции трансляции культуры, образования и обучения профессиональным навыкам в существенной мере взяли на себя социальные институты, социальный статус семьи определяется не столько положением его главы, сколько индивидуальными достижениями и успехами обоих родителей. С другой стороны, растёт число и значимость роли женщины» [14]. Таким образом, образы «мужа» и «отца», которые обычно рассматриваются в дихотомическом единстве с образами «женщины» и «матери», постепенно оказываются вторичными по отношению к женским социальным ролям и общественным образам.

Трансформация феномена отцовства становится специфическим проявлением проблемы более общецивилизационной — трансформация института родительства в целом, что во многом связано с отделением института родительства от института брака, с участвовавшими случаями разводов, появлением огромного количества неполных семей. Можно наблюдать устойчивую тенденцию отказа от сегрегированных супружеских ролей, где муж и жена ведут относительно раздельную жизнь. Если в патриархальной модели семьи, сегрегированные роли как внутри, так и вне дома были строго разграничены: мужчины были кормильцами, то современной модели семьи совместные роли, где мужа и жены больше времени проводят вместе, имея некоторые общие задачи, интересы и решения [17, с. 185]. Изменение роли отца сказывается также и на воспитании детей, и на семейном климате, и на благополучии семьи в целом: «Рассмотрение феномена семьи в контексте общественной жизни показывает, что новое время принесло с собой значительные перемены в ценностных ориентациях. Прежде всего это коснулось процесса воспитания детей в семье. Именно процесс воспитания многие исследователи склонны возложить на отца, чьи позиции в качестве защитника и кормильца семьи пошатнулись. Сторонники этой идеи считают, что как социальный фактор институт отцовства в современном мире не ослабевает, а укрепляется за счёт освоения новых функций, которые раньше входили исключительно в обязанности матерей» [13, с. 191]. Таким образом, социальные роли мужчины и женщины перестают казаться полярными, взаимоисключающими, открывается возможность разнообразных индивидуальных сочетаний, в том числе и в плане родительских функций, происходит трансформация идеалов мужчин и женщин в современной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабан Е. В. В меру упитанный и в полном расцвете сил // О мужественности: Сборник статей. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 720 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. — М.: Прайм-Еврознак, 2004. — 320 с.
3. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб: Питер, 2001. — 352 с.
4. Ваньке А. Мужские тела, сексуальности и субъективности // Логос. т. 28, № 4. 2018. — С. 85–108.
5. Гилмор Д. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. — СПб. — Харьков. Алетейя-ХЦГИ. 2001. — 992 с.
6. Грошев И. В. Мужское и женское: коды гендерного конфликта // Гендерные проблемы в общественных науках. — М., 2001. — С. 64.
7. Димура И. Н. Мужская телесность глазами мужчин // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. № 4 (39) 2015. — С. 142–151.
8. Золотухина М. В. Американский мужчина — новое в роли отца и мужа // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. — М., 1999, Т. 1. — С. 284–294.

9. Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков: ХЦГИ1; СПб.: Алетей, 2001. — 708 с.
10. Кон И. Мужское тело как эротический объект // О мужественности: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 720 с.
11. Кон И. С. Российский мужчина и его проблемы // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. — М., 2002. — С. 229–242.
12. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. — СПб.: Наука, Ювента, Gallimard. 1999. — 620 с.
13. Остроух И. Г. Трансформация института отцовства в постиндустриальном обществе // Гендерные проблемы в общественных науках. — М., 2001. — С. 191.
14. Рамих В. А. Материнство и культура (философско-культурологический анализ). — Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 1997. — 114 с.
15. Синельников А. Мужское тело: взгляд и желание. Заметки к истории политических технологий тела в России // Гендерные исследования, № 2 (1/ 1999): ХЦГИ. — М., 1999. — С. 218.
16. Словарь гендерных терминов / Регион. обществ. орг. «Восток-Запад: Жен. инноваци. Проекты»; Ред. А. А. Денисова. — М.: Информ.ХХI в., 2002. — 255 с.
17. Томпсон Д. Л., Пристли Д. Социология: вводный курс / Пер. с англ. — М., Львов, 1998. — 96 с.
18. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. Образ власти и власть образа. Большое тело в культуре // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. № 18. — С. 91–116.
19. Ярская-Смирнова Е. Р. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. — Харьков; СПб. 2001. — 708 с.

Плотный Никита Васильевич,
аддиктолог, магистр психологии,
психолог Центра социальной помощи семье и детям
Калининского района Санкт-Петербурга,
plotny.n@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РОДИТЕЛЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ ЗАВИСИМЫХ ОТ ПАВ

В статье рассматривается связь личностных характеристик родителей и нарушений воспитания в семье с наличием зависимости у детей. Проводится сравнительный анализ семей с выявленной зависимостью и семей без нее.

Ключевые слова: созависимые отношения, зависимость, детско-родительские отношения, нарушения воспитания, факторы употребления.

Plotny N. V.

RESEARCH OF FAMILY EDUCATION FEATURES AND PARENTS PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS IN FAMILIES WITH PSYCHOACTIVE SUBSTANCES ADDICTED ADULT CHILDREN

The article deals with the relationship of personal characteristics of parents and violations of upbringing in the family with the presence of dependence in children. Analyzes the different of families with identified addiction and families without it.

Keywords: codependent relationships, dependence, parenting relationships, parenting disorders, factors of using drugs.

Вопросы семьи и внутрисемейных отношений были и будут актуальны всегда. Обладая устойчивостью и даже некоторой ригидностью, семья, в то же время, очень чутко реагирует на социально-экономические и политические перемены в обществе через изменения в системе внутрисемейных отношений. В последние десятилетия в институте семьи в нашей стране произошло усиление деструктивных тенденций. Неуклонно увеличивается число разводов, неполных семей, гражданских браков, возрастают масштабы таких явлений, как социальное сиротство, пьянство и наркомания среди подростков, ранние беременности, жестокое обращение [2, с. 3]. Кроме того, в контексте 20-х годов XXI века общество имеет следующие предпосылки к развитию зависимостей.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в контексте 20-х годов XXI века общество имеет следующие предпосылки к развитию зависимостей:

1. Доступность ПАВ. Рынок сбыта ПАВ перемещен в сеть Интернет, что в разы увеличивает доступность информации и обеспечивает практи-

чески всеобъемлющую возможность к приобретению ПАВ без посредников, путем передачи через закладки.

2. Идеализация и романтизация образа «зависимого», что особенно опасно для подросткового возраста, когда родительское влияние снижается,

3. Широкое вовлечение в употребление всех возрастных категорий — снижение возраста приобщения к потреблению ПАВ с одной стороны, с другой — вовлечение в наркоманию лиц наиболее трудоспособного и репродуктивного возраста от 28 лет и выше, что значительно влияет также на демографическую ситуацию в Российской Федерации.

Поэтому необходима профилактика и коррекция зависимого поведения в первую очередь на уровне семьи, как ближайшего и важнейшего ресурса и социума, в вопросе развития здоровой личности.

Рассматривая поведение человека как результат воспитания родителей и влияния его родительской семьи, можно выявить взаимосвязь процессов, среди прочих факторов, они делают человека целостным или в той или иной степени деформированной личностью. Если в родительской семье наличествовали такие методы решения стрессовых и конфликтных ситуаций как употребление алкоголя или прочих психоактивных веществ (ПАВ), то затем употребление ПАВ встраивается в структуру личности и оказывает влияние на функционирование семьи. У членов семьи, живущих с зависимым, отягощается психологическое состояние, блокируется возможность изменения поведения аддикта, снижается качество жизни. При этом не уделяется достаточного внимания созависимому состоянию близкого окружения зависимого человека, его проявлениям и влиянию на употребление, т. е. работе с зависимостью в комплексе с семьей и через семью [5, с. 38]. Следуя этой концепции, в нашем исследовании мы выявили эту взаимосвязь, которую можно уловить на тонком эмоциональном уровне, продолжая исследование Б. Г. Ананьева и В. Н. Мясищева и дополняя направление работы с семьей и зависимостью Эйдемиллера, Москаленко, Белькова [6, 4, 1].

Для исследования особенностей семейного воспитания и психологических характеристик родителей, имеющих совершеннолетних детей зависимых от ПАВ, были сформированы две группы: родители зависимых от ПАВ и родители, в семьях у которых нет зависимых детей.

Исследуя тему коррекции взаимоотношений в дисфункциональных семьях и решая задачу подбора программы для созависимых родителей, нами была выбрана группа психологической помощи Дневного Стационара «Воскресение» работает по программе психокоррекции для:

- оказания помощи в решении проблемы зависимости и созависимости, профилактики этих патологических состояний,
- нормализации взаимоотношений семей с зависимыми людьми,
- поддержки и укрепления родителей в их работе с собственной личностью, выработки новых здоровых стратегий поведения, а также формиро-

вания личностных поддерживающих ресурсов, участники которой и составили первую группу испытуемых.

Для поставленных задач:

1. Изучить теоретические аспекты особенностей семейного воспитания и личностных характеристик родителей, имеющих совершеннолетних детей зависимых от ПАВ.

2. Изучить нарушения воспитания в дисфункциональных семьях с зависимыми совершеннолетними детьми.

3. Изучить эмоциональное состояние и склонность к зависимому поведению у родителей зависимых от ПАВ и родителей контрольной группы.

4. Провести сравнительный анализ полученных результатов.

5. Провести подбор программы психокоррекции созависимых родителей.

Нами были использованы следующие методы исследования:

1. Мотивационная анкета,

2. Тест «Склонность к зависимому поведению», В. Д. Менделевича

3. Шкала тревоги Спилбергера-Ханина,

4. Опросник для родителей «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) В. Юстицкиса и Э. Г. Эйдемиллера,

5. Тест «Незаконченные предложения» в обработке Белькова С. Н.

Предполагается, что у родителей, имеющих совершеннолетних детей зависимых от ПАВ, более высокая личностная тревожность и склонность к развитию зависимости в отличие от родителей, не имеющих такой проблемы.

Необходимо отметить, что Зависимость от психоактивных веществ — это системная дисфункция, которая так или иначе затрагивает всех членов семьи зависимого индивида. С позиций семейной психологии зависимость от ПАВ можно рассматривать как крайнюю форму семейного кризиса, решение такой многосложной проблемы как зависимость подразумевает под собой системную комплексную психотерапию как самого зависимого, так и семьи.

У испытуемых родителей, посещающих группу психологической помощи Дневного Стационара «Воскресение» по результатам диагностики отмечается склонность к наркозависимости. Интересно, что в контрольной группе все результаты в области выше повышенного уровня склонности. По шкале алкозависимости большинство испытуемых выборки находятся вне зоны риска.

Исходя из этих данных, можно говорить о том, что контрольная группа в своем среднем значении имеет тенденцию склонности к зависимому поведению, а выборка созависимых родителей говорит о том, что данная группа характеризуется малой вероятностью развития зависимости. Объяснением полученного результата может быть сам факт наличия зависимости у взро-

слого ребенка, что снижает потенциал развития зависимости у родителя, — основной направление созависимой связи — детско-родительские отношения.

Анализ результатов диагностики тревожности: у всех испытуемых из обеих групп отмечается высокий уровень тревожности. Интерпретация полученных данных обеих групп родителей может свидетельствовать нам о их постоянных тревожных и беспокойных настроениях и данный показатель наглядно указывает на наличие дезадаптивных реакций у родителей, которые проявляются в общей дезорганизованности поведения и деятельности.

Благодаря методике «Анализ Семейных Взаимоотношений» диагностируются не только патологические типы воспитания, но и были проанализированы личностные характеристики родителей, способствующие нарушениям.

По большинству шкал нарушений воспитания ответы родителей зависимых совершеннолетних детей находятся вне значений диагностики, только по шкале «Недостаточность требований-запретов» большинство в зоне нарушения, если добавить родителей с диагностируемым значением, то суммарно — у 81% испытуемых фиксируется данное нарушение воспитания. Для нас этот факт является еще одним свидетельством и отображением созависимого поведения родителей, которое никак не сможет помочь в лечении зависимости.

В ответах родителей из контрольной группы обращает на себя внимание в первую очередь то же нарушение, что и у первой группы, -недостаточность требований-запретов, фиксируется общая тенденция родителей обеих групп к этому нарушению воспитания.

По результатам анализа семейных взаимоотношений выявлен тот факт, что в обеих группах родителей превалирует гиперпротекция и недостаточность запретов, которые лежат в основе противоречивого воспитания. Однако отличие в группе испытуемых созависимых родителей в том, что кроме вышеперечисленных нарушений, присутствует минимальность санкций (наказаний).

По анализу отклонений личности родителя в первую очередь на себя обращает внимание количество родителей с диагностируемой воспитательной неуверенностью — в контрольной группе это 29% родителей, в выборке — 13%. Данная разница может быть объяснена именно зависимостью ребенка, как проявившей себя ошибкой воспитания — результат собственной неуверенности. Кроме того, такое отклонение, как предпочтение женских качеств вполне вероятно из-за превалирующего большинства в группах женщин. Также проекция на ребенка собственных нежелательных качеств диагностируется у 6% родителей зависимых детей, и у 13% присутствует фобия утраты, что указывает на конкретную область работы для психолога с созависимым.

Помимо вышеперечисленного, в контрольной группе присутствует неразвитость родительских чувств. Отсутствие данного отклонения у родителей зависимых может объясняться компенсацией своих чувств в созависимой связи с ребенком.

Анализ ответов по методике «Незаконченные предложения» нами был проведен по шкалам «отношение к себе», «Отношение к трудностям», «Отношение к будущему», «Смысл жизни», и «отношение к тем, кто помогает». После обработки ответов контент-анализом, нами были выявлены следующие феномены: Симптомы и дисфункциональность созависимости не рассматриваются родителями зависимых как требующие помощи и работы с психологом; Склонность к самонадеянности и перекалыванию ответственности за негативные события на других людей; Родители рассматривают себя как реципиенты помощи от других, не описывают себя как помогающих. В основном в ответах прослеживались избегание точных формулировок, замены обобщениями и штампами.

Полученные результаты всех методик были подвергнуты обработке с использованием корреляционного метода. Мы можем наблюдать что у созависимых родителей присутствует плохое знание самих себя и своих потребностей, что ведет к плохому знанию, пониманию и игнорированию потребностей ребенка. Также по отношению к другим и себе чередуются излишняя требовательность с излишним попустительством. Исходя из этого и формируется стиль воспитания с непредсказуемым результатом и формирования неуверенности в себе как родителя. Плохое понимание себя ведет к вытеснению собственных негативных черт и их влияния на жизнь и воспитание, и проецированию их на ребенка. Высокая тревожность может быть связана с тем, что родители игнорируют тот факт, что дети выросли и пытаются относиться к ним как к маленьким детям, которых можно контролировать. С этим связаны фобия утраты ребенка и показатель гиперпротекции. Чем выше тревожность у родителей, тем меньше они дают обязанностей и ответственности младшему поколению соответственно их возрасту. Можно говорить о том, что созависимые матери (85% группы) высокотребовательны к себе и обладают обостренным родительским инстинктом.

При сравнении двух групп испытуемых обращает на себя внимание разница в самом количестве корреляционных связей — что интересно, кроме тех связей, которые есть у созависимых, есть и другие, что мы объясняем большей вариативностью поведения и большей гибкостью в построении внутрисемейных отношений, чем компенсируется склонность к аддиктивному поведению у родителей контрольной группы. Кроме того, родители из контрольной группы могут иметь больше коппинг-стратегий и меньшую склонность к туннельному мышлению, которое характерно для людей с аддиктивным поведением.

Выводы, сделанные нами по результатам проведенного исследования, следующие:

1. Родители зависимых меньше склонны к развитию собственной зависимости, чем родители в контрольной группе;

2. У испытуемых обеих групп отмечается высокий уровень тревожности;

3. Нарушений воспитания в дисфункциональных семьях больше, чем в семьях контрольной группы и это может являться характеристикой развития зависимости у детей

4. Родители зависимых игнорируют факт того, что дети выросли и пытаются относиться к ним как к маленьким, которых нужно контролировать;

5. У созависимых родителей присутствует плохое знание самих себя и своих потребностей;

5. Родители контрольной группы склонность к аддиктивному поведению компенсируют за счет большей вариативности поведения;

6. Родители зависимых детей меньше склонны к развитию собственной зависимости, чем родители в контрольной группе, в виду формирования созависимых отношений в социальных связях с зависимым, тем самым удовлетворяя свои потребности. Кроме этого, данный феномен можно объяснить и тем обстоятельством, что изменения сознания под воздействием психоактивных веществ, влекущее за собой девиантное поведение и перемена внешнего вида зависимых детей вызывает отторжение к ПАВ у родителей.

7. Родители могут достичь большей стойкости детей относительно зависимости от ПАВ за счет передачи большего набора возможных стилей поведения и выходов из кризисных состояний и состояний фрустрации.

В качестве рекомендаций по проделанной работе необходимо отметить следующие моменты:

- при разработке психокоррекционной программы для родителей с созависимым поведением, следует учитывать индивидуальные результаты диагностики личностных характеристик и нарушений воспитания;

- лицам с созависимым поведением, близким и родственникам зависимых, важно работать над повышением осмысленного восприятия своих жизненных процессов;

- родители с созависимым поведением, работая со своими комплексами и дефектами характера, могут стать поддержкой для зависимого на первых этапах реабилитации и ресоциализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельков С. Н. прот. Духовно-психологическая и социально-педагогическая помощь лицам с наркологической зависимостью. Православный подход. СПб.: РХГА, 2017. — 156 с.

2. Захарова Г. И. Психология семейных отношений. Учебное пособие. — Челябинск: ЮУрГУ, 2009. — 63 с.
3. Каклюгин Н. В. Бельков С. Н. Критерии оценки качества и сертификация оказания реабилитационных услуг лицам, допускающим немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ, в различных реабилитационных и псевдорезабилитационных сообществах // Наркология, № 11, 2016. — 76 с.
4. Москаленко В. Д. Зависимость семейная болезнь. — М.: Институт консультирования и системных решений, 2018. — 352 с.
5. Плотный Н. В. Особенности функционирования семьи с выросшими детьми, столкнувшимися с проблемой зависимости // Молодой ученый. — 2019. — № 34. — С. 37–39.
6. Плотный Н. В. Взаимосвязь личностных характеристик родителей и нарушений воспитания в семье с наличием зависимости у повзрослевших детей // Молодой ученый. — 2021. — № 4 (346). — С. 137–138.
7. Эйдемиллер Э. Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи, 4-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 672 с.

Стряпухина Юлия Витальевна,
арт-терапевт, ассистент кафедры психологии
Русской христианской гуманитарной академии;
иерей Георгий Погребный,
штатный священник
Храма сошествия Святого Духа за Невской заставой,
бакалавр богословия

**ЛЮБИТЬ СЕБЯ ДРУГОГО РАДИ.
ГРУППА ПОДДЕРЖКИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
ЧЛЕНАМ СЕМЕЙ ЗАВИСИМЫХ**

В статье рассматривается проблема созависимости и ее проявления, которые охватывают многие стороны жизни: от физического и психического здоровья, мировоззрения, до взаимоотношения с окружающими. Нередко причиной созависимости является духовная составляющая. Часто проблема, возникшая в семье (болезнь близкого человека, трудности во взаимоотношениях) становится причиной обращения к вере. Но и в этом случае проблема созависимости не всегда решается, потому что созависимые не всегда понимают, как себя вести, они стремятся помочь близкому, ищут помощи для него, но нередко переходят от любви и надежды к гневу и отчаянию. Выздоровление от созависимости и достижение человеком внутреннего равновесия является важной задачей для обретения психического и телесного благополучия.

Ключевые слова: созависимость, дисфункциональная семья, травматический опыт, групповая психотерапия.

Stryapuhina Yu. V., Pogrebniy V.

**LOVE YOURSELF FOR THE SAKE OF OTHERS. SUPPORT GROUP AS A TOOL
FOR PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO FAMILY MEMBERS OF ADDICTS**

The article deals with the problem of codependency and its manifestations, which cover many aspects of life: from physical and mental health, worldview, to relationships with others. Often the cause of codependency is the spiritual component. Often, a problem that has arisen in the family (illness of a loved one, difficulties in relationships) becomes the reason for turning to the faith. But even in this case, the problem of codependency is not always solved, because codependents do not always understand how to behave, they seek to help a loved one, seek help for him, but often move from love and hope to anger and despair. Recovering from codependency and achieving inner balance is an important task for achieving mental and physical well-being.

Keywords: codependency, dysfunctional family, traumatic experience, group psychotherapy.

Часто на прием к психологу обращается клиент с запросом о помощи кому-то из близких: супругу или супруге, сыну или дочери, родителю, брату, сестре, другу. При этом человек абсолютно точно знает, что другому нужно делать, как это нужно делать, когда и зачем. Он очень удивляется и негоду-

ет, встречая сопротивление со стороны близкого, и в ответ на предложения психолога обратить взор на себя самого, свое самочувствие и свои проблемы.

В большинстве случаев можно говорить о том, что такие люди являются созависимыми. Они, как правило, полностью поглощены желанием контролировать поведение другого человека, сверхответственны, то есть стремятся брать на себя ответственность за потребности, решения и поступки других людей и при этом совершенно не заботятся об удовлетворении своих собственных жизненно важных потребностей, не говоря уже о желаниях и мечтах.

Некоторые специалисты говорят в таких случаях о феномене «слишком сильной любви», а также о том, что к созависимости может добавляться другой вид зависимости (часто это пищевая зависимость или зависимость от любовных отношений) [4; 5].

Обычно созависимость формируется еще в детстве, если ребенок воспитывается в дисфункциональной семье. К таким семьям можно, например, отнести:

- семьи, где один или несколько членов семьи больны зависимостью;
- эмоционально репрессивные семьи;
- семьи, где отец или мать заняты на руководящих должностях, в силовых структурах и т. п.;
- семьи, в которых род деятельности родителей относится к помогающим профессиям (учитель, психолог, врач и т. п.)
- семьи, в которых есть тяжело больные члены семьи.

Такие семьи объединяет ряд особенностей.

- Отрицание проблем и поддержание иллюзий.
- Вакуум интимности как возможности разделения всех чувств. Отсутствие в семье разделенной любви, взаимопонимания, доверия, надежности, возможности духовного роста.
- Конфликтный характер взаимоотношений.
- Обязательное единство чувств (например, если кто-то из родителей сердится, то сердятся все).
- Трудности с установлением личных границ. Границы между членами семьи могут быть размыты или отсутствовать, либо же, наоборот, быть настолько жесткими, что начинают казаться нерушимыми стенами.
- Существование «секрета семьи», который все хранят, поддерживая фасад псевдоблагополучия.
- Негативное мышление как склонность к полярным чувствам и суждениям («всегда-никогда», «хорошо-плохо», «все-никто», «прав-неправ», «черное-белое» и т. д.)
- Закрытость семейной системы по отношению к окружающему миру.
- Особое значение воли и контроля: с их помощью регулируются отношения между членами семьи, родителями и детьми.

- Определяющее место правил и ролей: они установлены, распределены и жестко фиксированы. Об этом необходимо сказать чуть более подробно.

Обычно в таких семьях считается, что взрослые — хозяева ребенка. Они определяют, что правильно в жизни, а что неправильно (причем чаще всего слова у них расходятся с действиями). Преобладает авторитарный, жесткий стиль воспитания. Присутствует эмоциональная дистанция между одним (или обоими) родителями и детьми. Воля ребенка расценивается как упрямство, должна быть сломлена, и как можно скорее. Выше всего ценится послушание как главная добродетель. Как следствие физического или эмоционального насилия, у детей развивается выученная беспомощность, которая в дальнейшем может вызывать у них стремление попадать в положение жертвы [2].

Психолог Клаудиа Блэк в книге «Это никогда со мной не случится» сформулировала правила проблемной семьи предельно кратко: «Не говори, не чувствуй, не доверяй».

В целом, можно говорить о том, что воспитание в дисфункциональной семье является предпосылкой для формирования у человека ряда психологических особенностей, которые определяют основные проявления созависимости [1; 3].

- Низкая самооценка.

Это фундаментальная характеристика созависимых людей, на которой основываются все остальные признаки. Созависимые не считают себя достойными уважения людьми, не чувствуют собственной ценности и любви к самому себе. Они раз за разом вступают в трудные взаимоотношения, терпят страдания и боль в проблемном браке. При этом из-за чувства собственной низкой ценности они часто сравнивают себя с другими, что может выглядеть так, как будто они хотят продемонстрировать свое превосходство.

- Курс на внешние ориентиры

Для созависимых очень важны оценки окружающих людей, но при этом внешней критики они не выносят. С другой стороны, комплименты, похвала и высокие оценки довольно тяжкий для них груз: адекватно принимать их такие люди не умеют, так как в глубине души она не считают себя достаточно хорошими и испытывают чувство вины. Можно сказать, что у созависимых отсутствует внутренняя опора. Они как будто постоянно балансируют в поисках ответов на бесконечные вопросы «Как я должен/ должна вести себя в этой ситуации» и страшно боятся совершить ошибку, словно каждый день сдают экзамен.

- Большое напряжение чувств, предрасположенность к страданиям, психосоматическим болезням.

- Отказ от себя и собственных чувств, вызванный попыткой заглушить, «обезболить» хроническую душевную боль и страдание.

- Отказ от истинных чувств. Созависимые тратят очень много жизненных сил на то, чтобы «не быть, а казаться», чтобы «делать хорошую мину

при плохой игре». Этого требует от них тот самый «семейный секрет», который в семье должны сохранять любой ценой. Постепенно у созависимого повышается толерантность к душевной боли на внешнем уровне, но на уровне подсознания негативные чувства растут как снежный ком. Со временем происходит трансформация таких чувств, как страх, гнев, стыд, вина в демонстрируемые надменность, превосходство над другими, стремление контролировать окружающих. Все это — проявления психологической защиты.

- Отрицание. Созависимые используют все формы психологической защиты от страданий: рационализацию, минимизацию, вытеснение, но больше всего отрицание. Именно оно помогает созависимому человеку пребывать в мире иллюзий, мириться с невыносимой душевной болью, продолжать держать в фокусе внимания проблемы другого человека. Одним из следствий отрицания является мифологическое мышление, очень характерное для созависимых.

- Страх и тревога. Жизнь созависимого наполнена этими чувствами, которые порой парализуют все остальные каналы восприятия и возможность трезво смотреть на вещи. Страх может лежать в основе контролирующего поведения. Грусть, подавленность, напряжение могут маскировать страх, что приводит к очень печальным последствиям.

- Стыд и вина стабильно присутствуют в психическом состоянии созависимых. Они стыдятся как собственного поведения, так и поведения своих близких. Вследствие этого зависимость называют болезнью изоляции, поскольку нарушаются социальные связи как внутри семьи, так и во внешнем окружении.

- Гнев также занимает большое место в жизни созависимых. Они чувствуют себя уязвленными, обиженными, рассерженными и обычно склонны жить с людьми, которые чувствуют себя точно так же.

- Затянувшееся отчаяние. Семья, где есть зависимый, — это достаточно закрытая система, которая может быть наполнена отчаянием, то есть отсутствием надежды. Созависимому человеку очень трудно услышать и принять новые идеи, увидеть возможности выхода из ситуации, обратиться за помощью для себя.

- Навязчивые мысли сопровождают течение жизни созависимого человека. Они создают иллюзию действия, видимость контроля над ситуацией, мешая при этом осознать реальность, увидеть саму проблему. Это также является психологической защитой от чувства собственной беспомощности и от страха.

- Склонность к резким суждениям как признак негативного мышления. Как правило, созависимые охотно дают оценки и советы окружающим, всегда знают, как другие должны себя вести, стремятся ими манипулировать. При этом внутри себя они ни в чем не уверены и мало знают даже о самих себе.

- Границы личности у созависимых крайне размыты или вообще отсутствуют. Очень часто они используют местоимение «мы», говоря о зависимом или проблемном члене семьи, воспринимают его боль и проблемы как свои собственные, не замечая своих.

На самом деле, проявления созависимости довольно многообразны. Они охватывают все аспекты жизни человека: его физическое и психическое здоровье, мировоззрение, взаимоотношения с окружающими. Очень важной, основополагающей является духовная составляющая этого вопроса. Среди созависимых много людей верующих. Часто именно проблема, возникшая в семье (болезнь близкого человека, трудности во взаимоотношениях) стала причиной их обращения к вере. Но и здесь они не могут до конца понять, как себя вести, стремятся искать помощь, в первую очередь, для своего близкого человека, и часто раскачивают лодку своей веры от любви и надежды к гневу и отчаянию. Рассмотрим духовный аспект созависимости более подробно.

Для каждого верующего человека важно по-настоящему полюбить Бога. В Евангелии Господь на это прямо указывает: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем» (Мк. 12:30), но как понять полюбил человек Его или нет? Апостол Иоанн Богослов, рассуждая на эту тему, пишет: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1 Ин. 20–21). Так что один из показателей любви к Богу — это наше отношение к ближнему. Теперь нужно разобраться в том, как проверить, что я люблю своего ближнего. Апостол Марк, приводит слова Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12:31) Любовь к себе — вот ключ правильного отношения к другому человеку. Получается, для верующего человека очень важно научиться любить себя. Наше отношение к себе формируется в детстве, благодаря нашим родителям. Мы принимаем от них как хорошие, так и плохие качества. Вступив во взрослую жизнь, человек сталкивается со многими трудностями: Низкая самооценка, нелюбовь к себе, обида, чувство вины, зависимые отношения. Все это не позволяет полноценно полюбить Бога. И поводом прихода в храм будет не сам Господь, а та проблема, которая мучает человека. Если человек живет с зависимым, то он становится созависимым. В таком состоянии человек эмоционально зависит от больного, и храм может стать лишь местом отдыха от домашнего тирана. У такого человека не будет ни личной жизни, ни духовной т. к. все силы будут уходить на зависимого. В данном случае нужна серьезная психологическая и духовная поддержка человека, чтобы он смог разорвать зависимые отношения, а это без настоящей любви к себе невозможно.

Созависимый человек — человек страдающий. Он остро нуждается в помощи и поддержке, но в большинстве случаев не готов признать эту необходимость для себя. Мы предлагаем участие в группе поддержки для чле-

нов семей зависимых как возможность бережно и осторожно, шаг за шагом перевести фокус внимания с того, кто рядом, на себя самого.

Групповая психотерапия — главный метод преодоления созависимости. Мы предлагаем создание онлайн-группы поддержки созависимых на базе программы, предложенной Валентиной Дмитриевной Москаленко, с некоторыми вариациями [2]. Приведем примерные темы, которые планируется обсуждать в группе поддержки.

1. Работа с чувствами.

Цель — научиться определять свои чувства, попрактиковаться в их выражении словами или на языке тела, увидеть сходство своих чувств с чувствами других людей, осознать, что у каждого человека имеется «резерв» неиспользуемых чувств, понять, что все чувства приняты участниками.

2. Контролирующее поведение.

Цель — осознание бесплодности контролирующего поведения и формирование желания отказаться от него, чтобы не только перестать «держаться в узде» других, но и начать заботиться о себе.

3. Отделение.

Цель — понять необходимость отделиться с любовью от близкого, страдающего зависимостью от психоактивных веществ, и обсудить, как это можно сделать. Перспектива отделиться, отстраниться пугает созависимых. Они путают здоровую заботу о своих близких, любовь к ним с чрезмерным вовлечением в проблему химической зависимости.

Отстранение — это не холодная враждебная замкнутость и не лишение значимого близкого любви и заботы. Отстраниться означает выпутать себя психологически, эмоционально, а иногда и физически из сетей нездорового, мучительного включения в жизнь другого человека. Отстраниться означает отступить на некоторую дистанцию от проблем, которые мы не можем решить.

4. Акция — реакция.

Цель — помочь участникам убедиться, что многие чувства, мысли и действия у них возникали лишь как реакция на больного зависимостью, и по возможности сформировать стремление перейти от реакции к акции, то есть к действиям, идущим от самого человека, в соответствии с его собственными потребностями и, в конце концов, с учетом его собственных интересов.

5. Границы.

Цель — научиться различать наряду с внешними границами еще и внутренние. Приобретение навыков отстаивания собственных границ и уважения границ другого.

6. Родительская семья.

Цель — поработать над незавершенными переживаниями детства, родительскими наставлениями, болезненными чувствами, посмотреть на роди-

тельскую семью с точки зрения взрослого зрелого человека и приблизиться к необходимости простить родителей.

7. Самооценка.

Цель — выработка навыков разумной самооценки.

8. Избавление от психологии жертвы.

Цель — познакомиться с «Треугольником Карпмана». Увидеть негативные последствия роли жертвы и сознательно отказаться от нее.

9. Умение думать.

Цель — укрепить уверенность участников в том, что они умеют думать, «вычислять» будущее, принимать решения, строить здоровые отношения.

10. Работа с утратой.

Непрожитый травматический опыт стучится в настоящее, переносится в сегодняшнюю жизнь. То, что когда-то не было сказано, не было сделано, не завершилось. Если человек сопротивляемся расставанию, значит, он хочет удержать прошлое. Сопротивление — это форма контакта с предыдущим опытом. Любая утрата (смерть близкого, развод, потеря близких отношений) нуждается в проживании, которое может способствовать достижению большей ясности восприятия действительности. Цель данного занятия — обучение здоровым способам переживания утрат.

11. Постановка своих собственных целей.

На этом занятии планируется отработка с участниками навыка постановки цели, построение древа целей.

12. Принятие себя.

Цель — начать думать о себе доброжелательно. Это важный инструмент выздоровления от созависимости и достижения человеком того внутреннего равновесия, при котором возможно обретение психического и телесного благополучия.

В процессе участия в группе поддержки возможно проведение индивидуальных психологических консультаций для участников, просмотр и обсуждение фильмов по тематике группы, а также предоставление информационных блоков по вопросам зависимости и созависимости.

Литература

1. Битти М. Алкоголик в семье, или Преодоление созависимости / М. Битти. — М., 1997. — 331 с.
2. Москаленко В. Д. Возвращение к жизни. Как один человек может изменить судьбу семьи / В. Д. Москаленко. — М.: Никая, 2020. — 260 с.
3. Москаленко В. Д. Зависимость — семейная болезнь / В. Д. Москаленко. — М.: Пер Сэ, 2009. — 352 с.
4. Москаленко В. Д. Когда любви слишком много / В. Д. Москаленко. — М.: Никая, 2019. — 210 с.
5. Норвуд Р. Женщины, которые любят слишком сильно / Р. Норвуд. — М.: Добрая книга, 2004. — 352 с.

Рудакова Светлана Сергеевна,
студентка факультет психологии и философии человека
Русской христианской гуманитарной академии,
rudakovas@bk.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ МНОГОДЕТНЫМ МАТЕРЯМ

Статья посвящена психологическим трудностям, возникающим у многодетных женщин, живущих нуклеарной семьей в больших городах.

Ключевые слова: многодетная мать, многодетная семья, психологическая помощь женщине, православная семья.

Rudakova S. S.
THE NEED FOR PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE
TO MOTHERS HAVING MANY CHILDREN

The article is devoted to the classification of problems encountered by Orthodox women with many children living with a nuclear family in large cities.

Keywords: mother with many children, family with many children, psychological assistance to women, Orthodox family.

Внимание современных государственных и общественных социальных институтов преимущественно направлено на внешние результаты деятельности семьи: успешность детей и родителей, материальная обеспеченность, социальный статус. Внутрисемейные отношения, вопросы семейной иерархии, ролей и религиозность являются по настоящее время сферами невмешательства. Происходящая в данное время вынужденная самоизоляция в связи с пандемией коронавируса наглядно продемонстрировала приоритетность внутрисемейных отношений в вопросах устойчивости семейных систем. На фоне всеобщей нестабильности именно в семье человек имеет возможность обрести одну из важнейших опор в своей жизни.

Во все времена флагманом формирования и укрепления института семьи и семейных ценностей являлись многодетные семьи. Именно семьи, имеющие в своем составе троих и более детей, являются образцом для всех остальных — в этом мнении едины и светская и церковная власть. Государственная политика России направлена на возрождение ценности многодетной семьи, и на федеральном и на региональном уровне оказывается всеобъемлющая поддержка многодетным семьям. «Важно воспитывать подрастающее поколение в духе ценностей большой, многодетной, дружной семьи, заботы о ближних, детях и родителях» — так президент России Владимир Путин поприветствовал участников, организаторов и гостей седьмого форума программы «Святость материнства»[5].

В своем выступлении на международном форуме «Многодетная семья и будущее человечества» Патриарх Московский и всея Руси Кирилл напомнил собравшимся о божественных истоках рождения семьи, подчеркнув, что достичь счастья возможно именно в многодетной семье, где родители постоянно жертвуют чем-то ради детей. Любовь, самопожертвование, преданность прочно входят в мировоззрение и ценности маленького человека, становясь его неотъемлемой природой. Продолжая данную тему, главный раввин России Берл Лазар также подчеркнул необходимость понимания каждым человеком, что будущее России — это многодетная семья [3].

Однако, именно о специфике устройства и структуры многодетных семей в наше время малоизвестно и преобладающей модели детоцентризма известно менее всего. Уклад жизни многодетных разительно отличается от малодетных и тем более бездетных семей. Главная отличительная черта многодетности — количество отношений между членами семьи и связанных с ними вопросов. В поле многодетной семьи вовлечено множество участников, коллективов. Зачастую многодетные семьи оказываются под пристальным прицелом органов власти, общества, соседей, коллективов, в которых участвуют члены такой семьи. «Кому дано много с того за многое спросится» (Лк 12:48).

Психологические трудности многодетной женщины. В течение XX века кардинально изменилась отношение к предназначению женщины в социуме. Из-за войн и революций женщины поневоле взяли на себя функции мужчин, семейные роли исказились. Если в начале прошлого века женщина была ограничена ролями жены, матери и хозяйки, то сейчас, помимо этих ролей, а порой и взамен, социум подталкивает женщин реализовываться во всех сферах наравне с мужчинами. В настоящее время наблюдается время перелома, социального тупика, когда старые практики утрачены, новые не наработаны, и существует множество факторов, осложняющих современное родительство.

Рассмотрим влияние внешних и внутренних факторов, создающих трудности современной многодетной семьи:

— формирование будущих матерей происходит по большей части в дисфункциональных семьях, что приводит к рассогласованности смысловых ориентаций и супружеских установок всей семейной системы [1];

— наследственное моделирование матриархата с женским гиперфункционализмом формирует «отрицательное межпоколенное наследование», когда главенствующая роль в семье принадлежит женщине. Гиперфункционализация женщин, в свою очередь, приводит к эмоциональному выгоранию, даже в малодетных семьях [7];

— женщина в условиях современной городской нуклеарной однокарьерной многодетной семьи остается наедине со своими трудностями, без поддержки занятого обеспечением семьи мужа и помощи живущих отдаленно

родственников. К этому зачастую добавляется психологическое давление окружения по обесцениванию ее труда, в случае, если многодетная мать не работает по найму, а всецело посвящает себя традиционным ролям жены, матери и хозяйки;

— количество материальных и человеческих ресурсов современной многодетной семьи сопоставимы с моделью крестьянской семьи, а мерки ее успешности, предъявляемые обществом, сопоставимы с уровнем дворянской семьи. Иными словами: «гувернантка, нянька, кучер и кухарка». Зачастую многодетная мать, в попытке соответствия всем современным требованиям, зачастую диктуемым малодетными семьями, одновременно сочетает множество функций в режиме многозадачности (одновременный уход и воспитание нескольких разновозрастных детей, приготовление пищи, покупки, контроль процесса обучения детей, логистика детей по кружкам и секциям, коммуникации с мужем и родственниками и т. д.), несет непомерный груз задач;

— нарушены и не передаются как раньше традиции семейного уклада и воспитания детей в многодетных семьях. Современные многодетные родители сами зачастую выросли в малодетных семьях, их родители, в свою очередь, не справляются с функциями бабушек и дедушек, т. к. имеют опыта воспитания нескольких детей;

— более того, большинство семей в настоящее время нуклеарны, т. е. состоят только из родителей и детей. При этом межпоколенные связи либо ослаблены, либо разрушены. Старшие родственники для таких семей вовсе не близкие люди и не друзья, скорее враги, которые находятся в противоположной позиции. Имеющиеся взрослые старшего поколения могут не радоваться тому, что детей много [6];

— отсутствие духовной поддержки: во многих семьях несколько поколений жили вне церкви и веры, имеют искаженные взгляды на рождение детей и жизненные ценности. Воцерковление одного из членов семьи сталкивается с сопротивлением и равнодушием окружающих. Данные Всероссийского опроса многодетных матерей, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в 2008 г. показали, что среди семей с тремя и более детьми самыми распространенными трудностями стали следующие: воспитание и образование детей; финансовые условия; жилищные проблемы; жизненные обстоятельства (обеспечение быта, уход за детьми); здоровье; недостаток свободного времени; усталость; межличностные взаимоотношения в семье и распределение внимания всем членам семьи; бюрократические барьеры и т. д.

Все перечисленные факторы влияют на то, что у многодетной матери формируются следующие психологические трудности:

1. эмоциональное выгорание и усталость в условиях многозадачности и вынужденной активной роли в семье;

2. недостаток свободного времени и организация личного пространства членов семьи;
3. межличностные взаимоотношения и отсутствие навыка распределение внимания матери между детьми;
4. самооценку и самореализацию женщины в однокарьерной семье: отвечать ли меркам социума в попытке сочетать семью и детей с работой по найму, учебой с семьей с детьми или самой быть образцом и меркой?;
5. отсутствие навыка по запросу и принятию помощи извне;
6. отсутствие духовного стержня и мировоззрения, основанного на духовных ценностях;
7. практические навыки ведения домашнего хозяйства в большой семье и вопросы распределения обязанностей между членами семьи;
8. недостаток информации об устройстве института семьи и актуальных особенностях уклада многодетной семьи.

Очевидно, что многим женщинам необходима прежде всего психологическая помощь, малодоступная для большинства из них. Этому препятствует небольшое количество практических семейных психологов с опытом работы с многодетными относительно, например, детских. Большую роль боязни многодетных обращения за помощью играет страх попасть в зону внимания ювенальной юстиции. Зачастую психологическая помощь малодоступна также по материальным соображениям.

Необходима масштабная просветительская работа, благодаря которой женщины научились бы среди многочисленных вызовов современности искать и находить ответы, справляться с трудностями.

Поиск информации по теме «многодетная семья и ее особенности» показал, что в данное время эти семьи в основном являются объектом для изучения, однако нет практических, прикладных механизмов поддержки и помощи таких семей с учетом их специфики. Мало фильмов и книг о многодетных.

Предложения по обозначенным направлениям психологической помощи проблемам:

- организации индивидуальной и групповой помощи психолога многодетным женщинам при храмах;
- информационная поддержка и возможность общения с близкими по духу через социальные сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикитина Н. Н. Смыслоразнозначные ориентации и супружеские установки в дисфункциональных семьях // Азимут научных исследований: психология и педагогика. Том 6, номер 2 (19), 2017. — С. 219–221.

2. Бурмистрова Е. Многодетная семья современная и дореволюционная. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravmir.ru/mnogodetnaya-semya-sovremennaya-i-dorevolucionnaya/> (дата обращения: 20.05.2020).
3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии Международного форума «Многодетная семья и будущее. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3734316.html> (дата обращения 20.05.2020).
4. Грудина Т. Н. Ценные ориентации и установки многодетных родителей: демографический потенциал и перспективы развития // Сборник статей VIII Уральского демографического форума. Отв. Ред. А. И. Кузьмин, 2017. — 189–193 с.
5. Путин отметил важность воспитания детей в духе ценностей многодетной семьи. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20191107/1560673795.html> (дата обращения 20.05.2020).
6. Рощеня Д., Терещенко М. Супруги Бурмистровы: Патриархальная семья — не единственный ориентир для христиан. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-opasno-zanimatsya-rekonstruktsiy-patriarhalnoy-semi/> (дата обращения 20.05.2020).
7. Супруги Бурмистровы: патриархальная семья не единственный ориентир для христиан. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-opasno-zanimatsya-rekonstruktsiy-patriarhalnoy-semi/> (дата обращения 20.05.2020).

Чумакова Елена Николаевна,
магистр психологии, психолог
Центра социальной помощи семье и детям
Колпинского района Санкт-Петербурга,
chumakova_1@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ГАРМОНИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПОДРОСТКОВ И ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье описаны результаты исследования, направленного на разработку программы коррекционной работы по повышению родительской компетентности. Приведены данные, доказывающие, что родительская компетентность взаимосвязана с эмоциональным состоянием подростка и детско-родительскими отношениями, и в связи с этим прохождение родителями подростков программы повышения родительской компетентности в форме группового психологического консультирования способствует гармонизации эмоционального состояния подростков и детско-родительских отношений.

Ключевые слова: родительская компетентность, детско-родительские отношения, эмоциональное состояние подростков.

Chumakova E. N.

INCREASING PARENTAL COMPETENCE AS A PRECONDITION FOR HARMONIZING THE EMOTIONAL STATE OF TEENAGERS AND CHILD- PARENTAL RELATIONSHIPS

The article describes the results of a study aimed at developing a program of correctional work to improve parental competence. The data proving that parental competence is interconnected with the emotional state of a teenager and parent-child relations, and in this regard, the passage by parents of adolescents of the program of increasing parental competence in the form of group psychological counseling contributes to the harmonization of the emotional state of adolescents and child-parent relations.

Keywords: parental competence, parent-child relationships, emotional state of adolescents.

Родительская компетентность представляет собой уровень педагогической состоятельности родителя, социально-педагогический феномен, обуславливающий совокупность интегративных качеств личности родителя, проявляющихся в отношении ребенка и необходимых для качественной реализации родительских функций [2; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. В ранее проведенных исследованиях установлено, что значительная доля родителей обладает низким уровнем развития родительской компетентности [1]. С другой стороны, О. А. Камзиной установлено, что в структуре родительской компетентности у современных родителей преобладает когнитивный компонент,

тогда как эмоциональный характеризуется относительно низким уровнем развития, что может негативно сказываться на детско-родительских отношениях, обедняя их и лишая ребенка необходимой поддержки [3]. В результате, даже обладая необходимыми знаниями и навыками, родитель не может их адаптивно применить, поскольку сама система его взаимоотношений с ребенком функционирует неправильно, в ней нет теплоты и доверия.

Подчеркнем, что родительская компетентность не может сформироваться сама по себе. Она не является врожденной программой или инстинктом, автоматически запускающимся после появления ребенка на свет. Для достижения высокого уровня компетентности родителям необходимо стремиться к саморазвитию, совершенствованию собственной личности как основного инструмента, воздействующего на психику ребенка. В этом им могут помочь специально разработанные коррекционно-развивающие программы.

На основании анализа научных публикаций мы предположили, что повышение родительской компетентности при помощи программы группового психологического консультирования будет способствовать гармонизации эмоционального состояния подростков и детско-родительских отношений. Для проверки данного предположения нами было проведено собственное исследование.

Цель исследования состояла в том, чтобы на основе изучения взаимосвязи родительской компетентности с эмоциональным состоянием подростка и детско-родительскими отношениями разработать программу коррекционной работы с родителями.

Объектом исследования выступили 25 семей (в том числе 25 родителей (30–49 лет), 25 подростков (11–14 лет)), посещающих СПб ГБУСОН «Центр социальной помощи семье и детям Колпинского района», имеющих детей подросткового возраста с поведенческими проблемами (правонарушения, девиантное поведение и др.), а также неблагополучных семей, состояние детско-родительских отношений в которых позволяет сделать предположение о недостаточной родительской компетентности.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: прохождение родителями подростков программы повышения родительской компетентности в форме группового психологического консультирования способствует гармонизации эмоционального состояния подростков (в частности, снижению тревоги, повышению спокойствия, устойчивости эмоционального тона и др.) и детско-родительских отношений (повышению оценок родительской компетентности со стороны подростков, повышению уровня принятия ребенка, приближению стратегии воспитания к демократическому типу, снижению выраженности воспитательной неуверенности и иных нарушений в воспитательном стиле и др.).

Для сбора эмпирических данных были применены следующие методики:

1. Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» («Подростки о родителях») (автор Е. С. Шафер, для России адаптирован Л. И. Вассерманом, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромициной);
2. Опросник родительского отношения (авторы В. В. Столин, А. Я. Варга);
3. Методика «Анализ семейных взаимоотношений» (авторы Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис);
4. Тест «Стратегия семейного воспитания» (автор Р. В. Овчарова);
5. Методика идентификации детей с родителями (автор А. И. Захаров);
6. Методика определения доминирующего состояния (автор Л. В. Куликов);
7. Восмицветовой тест М. Люшера для определения эмоционального состояния подростков.

Были применены следующие методы математико-статистической обработки данных: анализ корреляционных связей по Спирмену; сравнение по критерию Вилкоксона для двух зависимых (связанных) выборок.

По результатам констатирующего этапа исследования было установлено, что у подавляющего большинства подростков, посещающих СПб ГБУСОН «Центр социальной помощи семье и детям Колпинского района», отсутствует стремление к идентификации с родителями. Подростки отмечают некомпетентность родителей в исполнении семейных функций, в частности — функции руководства семьей и воспитания детей.

При этом среди подростков, посещающих СПб ГБУСОН «Центр социальной помощи семье и детям Колпинского района», наиболее выраженными являются такие особенности эмоционального состояния как чрезмерная тревога, негативное отношение к жизни, неустойчивость эмоционального тона.

Для семей, посещающих СПб ГБУСОН «Центр социальной помощи семье и детям Колпинского района», характерными являются следующие проблемы: склонность к авторитаризму (гипопротекция, игнорирование потребностей ребенка, чрезмерность требований-запретов) или попустительству, отношение к ребенку как к неудачнику, неустойчивость стиля воспитания, враждебность, автономность.

По результатам корреляционного анализа были установлены следующие связи родительской компетентности с эмоциональным состоянием подростка и детско-родительскими отношениями: чем выше уровень родительской компетентности, тем более позитивным является отношение подростка к жизненной ситуации, тем выше уровень его спокойствия и ниже — уровень тревоги; тем ниже директивность отца и враждебность матери в восприятии ребенка; тем выше уровень принятия подростка со стороны родителя и нацеленность последнего на кооперацию; тем ниже выраженность тенденций к авторитарной гиперсоциализации, игнорированию потребностей ребенка и неустойчивого стиля воспитания.

Другими словами, чем выше уровень педагогической состоятельности и личностных качеств родителя, требуемых для исполнения родительской роли, тем более гармоничным, принимающим и устойчивым является стиль воспитания, тем в большей степени родитель готов к сотрудничеству с ребенком и учету его потребностей и тем более благополучным является эмоциональное состояние подростка.

Таким образом, нами было установлено, что родительская компетентность действительно взаимосвязана с эмоциональным состоянием подростка и детско-родительскими отношениями. Мы предположили, что эффективным методом преодоления имеющихся проблем в сфере детско-родительских отношений будет являться внедрение программы повышения родительской компетентности.

Предложенная программа носит название «Осознанное родительство». Целевая группа участников программы: родители, воспитывающие детей подросткового возраста. Число участников — 25 человек.

Цель программы: повышение родительской компетентности.

Задачи программы:

1. Познакомить с эффективными стилями и методами воспитания;
2. Познакомить с психологическими возрастными особенностями детей и подростков;
3. Сформировать навыки: рефлексии, активного слушания, разрешения конфликтных ситуаций;
4. Объяснить взаимосвязь деструктивных методов воспитания с девиантным поведением детей и подростков;
5. Способствовать формированию семейных правил и норм для эффективного семейного взаимодействия;
6. Оказать эмоциональную поддержку родителям, испытывающим трудности в воспитании детей.

Сроки реализации программы: 2 занятия в неделю по 1,5 часа, программа состоит из 14 тематических занятий и двух диагностических занятий — начального и итогового. Всего проведение программы занимает 8 недель (2 месяца).

Методическое оснащение и материалы включают в себя:

- информацию по технике безопасности;
- флип-чарт или интерактивную доску;
- медиа-проектор.

Занятия проводились на базе Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр социальной помощи семье и детям Колпинского района», Отделение психолого-педагогической помощи, в оборудованном кабинете.

Для проверки эффективности программы повышения родительской компетентности «Осознанное родительство» нами была проведена по-

вторная психодиагностика подростков и родителей с применением того же комплекса методик. Затем полученные результаты были сопоставлены с результатами первого замера. Применялся критерий Вилкоксона для двух зависимых (связанных) выборок. Согласно полученным данным, после проведения программы повышения родительской компетентности в выборке наблюдаются следующие позитивные изменения (уровень значимости различных $p < 0,01$ и $p < 0,05$):

— со стороны подростков: повышение оценок родительской компетентности, снижение восприятия директивности и враждебности отца, враждебности и автономности матери, улучшение отношения подростка к жизненной ситуации, повышение уровня тонуса, раскованности, спокойствия, устойчивости эмоционального тона, снижение тревоги;

— со стороны родителей: повышение уровня принятия подростка, формирование стремления к кооперации с ним, снижение уровня симбиоза и авторитарной гиперсоциализации, формирование оптимального отношения к неудачам ребенка, снижение выраженности таких нарушений в воспитательном стиле, как гиперпротекция, гипопротекция, игнорирование потребностей подростка, чрезмерность требований (обязанностей), чрезмерность санкций, неустойчивость стиля воспитания, предпочтение в подростке детских качеств, воспитательная неуверенность родителей. Кроме того, снизилась выраженность предпочтения мужских качеств (особенно у родителей девочек) и женских качеств (особенно у родителей мальчиков). Стратегия семейного воспитания в целом по выборке приблизилась к демократическому типу.

В процессе интенсивной групповой работы нам удалось повысить осведомленность родителей о закономерностях психологического развития подростков, эффективных методах семейного воспитания, распространенных родительских ошибках и их последствиях, а также реализовать полученные знания на практике, в ходе различных упражнений.

Кроме того, мы достигли такого важного результата, как рефрейминг образа подростка в восприятии родителя. Матери и отцы, участвовавшие в мероприятиях программы, стали воспринимать своих детей значительно более позитивно, научились видеть их достоинства и потребности, понимать причины, стоящие за эпизодами нежелательного поведения. Перечисленные перемены отразились и на эмоциональном состоянии подростков, которое стало значительно более благополучным. Следовательно, гипотеза исследования может считаться подтвержденной.

Нам удалось достичь поставленной цели, а именно — разработать программу коррекционной работы с родителями, которая бы не только повышала родительскую компетентность, но и способствовала формированию у родителей навыков по практическому применению полученных знаний. Предполагаем, что этому способствовало обилие форм работы с обратной

связью (обсуждения, обмен опытом, разборы жизненных ситуаций и др.), а также наличие упражнений на практическую отработку полученных знаний (коммуникативных игр, кейсов и др.).

В завершении укажем, что программа «Осознанное родительство» успешно внедрена и активно используется в СПб ГБУСОН «Центр социальной помощи семье и детям Колпинского района». Видим перспективы для применения данной программы и в иных государственных и частных учреждениях, работающих с семьями. Ее использование позволит педагогам и психологам эффективно стимулировать развитие родительской компетентности среди заинтересованных родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева К. А. Родительская компетентность: уровни и самооценка родителей. [Электронный ресурс]. — URL: <https://novainfo.ru/article/6251> (дата обращения: 27.01.2021).
2. Захарова Г. И. Психология семейных отношений. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. — 63 с.
3. Камзина О. А. Взаимосвязь родительской тревожности и родительской компетентности, обусловленной социальными ожиданиями // Социальные явления. 2016. № 4. — С. 55–60.
4. Коваленко Т. В. Родительская компетенция как фактор современного содержания образования // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 4. — С. 102–113.
5. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. — 496 с.
6. Пиюкова С. С. Формирование педагогической компетентности родителей приемных детей: дисс. ... канд. пед. наук. — Самара, 2002. — 200 с.
7. Седина Н. В. Развитие родительской компетентности в условиях ОУ. [Электронный ресурс]. — URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-dlya-roditelei/2013/01/17/razvitiye-roditelskoj-kompetentnosti-v> (дата обращения: 27.01.2021).
8. Селина В. В. Развитие педагогической компетентности родителей детей раннего возраста в дошкольном образовательном учреждении: дисс. ... канд. пед. наук. — Великий Новгород, 2009. — 188 с.
9. Тюрина Н. Ш. Социально-педагогические условия формирования абилитационной компетентности родителей, имеющих детей с нарушениями психофизического развития младенческого и раннего возраста: дисс. ... канд. пед. наук. — М., 2008. — 263 с.

Давыдова Елена Руслановна,
клинический психолог
Центра социальной помощи семье и детям
Колпинского района Санкт-Петербурга,
Davidlen123@yandex.ru

ЗНАЧИМОСТЬ ПСИХОДИАГНОСТИКИ СЕМЕЙНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВЫ ДЛЯ КОРРЕКЦИИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются основные аспекты психодиагностики семейных особенностей, стиля воспитания, семейного климата и т. д. в семье со стороны родителей и несовершеннолетних. Всесторонняя диагностика позволяет более точно расставить приоритеты в коррекции детско-родительских отношений. В статье указаны методики, которыми можно руководствоваться в психологическом консультировании, на основе результатов которых предоставить клиентам рекомендации.

Ключевые слова: психодиагностика, семья, детско-родительские отношения, методики.

Davydova E. R. THE IMPORTANCE OF PSYCHODIAGNOSTICS OF FAMILY CHARACTERISTICS AS A BASIS FOR THE CORRECTION OF CHILD-PARENT RELATIONSHIPS

The article tells the main aspects of psychodiagnostics of family characteristics, parenting style, family climate, etc. of the family, psychodiagnostics can be view the one hand by parents and another hand by children. Full diagnostics helps to more accurately prioritize the correction of child-parent relationships. The article notes the methods which can be used in psychological consultations, which results can be base to provide recommendations to clients.

Keywords: psychodiagnostics, family, child-parent relations, methods.

Семья является основным социальным институтом для ребенка, влияние которого на детей безусловное и всестороннее. И. С. Кон указывает, что значение семьи как первичной ячейки общества и важнейшего фактора социализации трудно преувеличить [1]. Довольно часто родители недооценивают или не осознают свою роль в формировании личности ребенка.

Функции родителя не ограничиваются лишь воспитательным аспектом, в семейной группе необходимо удовлетворение членами семьи определенных потребностей, которые выделил А. Маслоу в своей классификации: физиологические потребности, потребности в безопасности, любви и принадлежности, уважении, признании и т. д. [4] Также к функциям родителя можно отнести создание оптимальных условий для роста и развития ребенка, обеспечение и помощь в адаптации ребенка к жизнедеятельности. В родительском отношении можно выделить эмоциональный, когнитивный

и поведенческий компоненты. Эмоциональный компонент: родительская ласка и забота играют одну из важных ролей в детско-родительских отношениях, обеспечивают эмоциональное тепло, которое необходимо ребенку. Поведенческий компонент: стиль воспитания родителя, удовлетворение потребностей, характер дисциплинарных воздействий коррелирует с воспитываемыми чертами характера у ребенка. Когнитивный компонент отражает адекватное видение ребенка родителями [6].

Детско-родительские отношения по О. А. Карабановой — это система межличностных установок, ориентаций, ожиданий в вертикальном направлении по возрастной лестнице: снизу вверх (диада «ребенок — родители») и сверху вниз (диада «родители — ребенок»), определяемых совместной деятельностью и общением между членами семейной группы [2].

По А. С. Спиваковской детско-родительские отношения, как важнейшая детерминанта психического развития и процесса социализации ребенка, могут быть определены следующими параметрами:

- характер эмоциональной связи: со стороны родителя — эмоциональное принятие ребенка (родительская любовь), со стороны ребенка — привязанность и эмоциональное отношение к родителю. Особенностью детско-родительских отношений по сравнению с другими видами межличностных отношений является их высокая значимость для обеих сторон;
- мотивы воспитания и родительства;
- степень вовлеченности родителя и ребенка в детско-родительские отношения;
- удовлетворение потребностей ребенка, забота и внимание к нему родителя;
- стиль общения и взаимодействия с ребенком, особенности проявления родительского лидерства;
- способ разрешения проблемных и конфликтных ситуаций; поддержка автономии ребенка;
- социальный контроль: требования и запреты, их содержание и количество; способ контроля; санкции (поощрения и подкрепления); родительский мониторинг;
- степень устойчивости или последовательности (противоречивости) семейного воспитания [7].

Описанные параметры являются аспектами, на которые необходимо обращать внимание при психологической работе с семьей, однако не всегда родитель осознает или замечает имеющиеся трудности. Для более детального рассмотрения детско-родительских отношений, построения предметной беседы с последующей коррекцией следует использовать в психологической работе психодиагностику. В индивидуальном консультировании основной задачей психодиагностики семейных особенностей является описание структуры семьи, отклонений в детско-родительских отношениях. В дан-

ной статье рассматриваются некоторые методики для диагностики детско-родительских отношений, предназначенные для детей и предназначенные для родителей.

Методики, которые можно предложить ребенку, с целью диагностики детско-родительских отношений:

1. Методика «Рисунок семьи» и ее модификации. Данная методика исследует межличностных отношений ребенка с родителями. На основе результатов данной методики можно говорить о благополучии, эмоциональной близости, сплоченности, восприятии ребенком членов семьи, а также выявить некоторые личностные характеристики ребенка. Данная методика эффективна в работе с детьми с дошкольного возраста [9].

2. Адаптированный вариант методики Рене Жиля. Методику можно использовать с младшего школьного возраста. Данная методика предназначена для исследования сферы межличностных отношений ребенка и его восприятия внутрисемейных отношений. Целью методики является изучение социальной приспособленности ребенка, а также его взаимоотношений с окружающими. Диагностируются переменные, характеризующие конкретно-личностные отношения ребенка: отношение к семейному окружению (мать, отец, бабушка, сестра и др.), отношение к другу или подруге, к авторитетному взрослому, а также переменные, характеризующие самого ребенка и проявляющиеся в межличностных отношениях: общительность, отгороженность, стремление к доминированию, социальная адекватность поведения [8].

3. Различные варианты методики «Незавершенные предложения», например, вариант В. Михала. Проективная методика исследования личности относится отчасти к ассоциативным методикам и направлена на диагностику отношения ребенка к родителям, братьям, сестрам, к детской неформальной и формальной группам, учителям, школе, своим собственным способностям, а также выявляет цели, ценности, конфликты и значимые переживания. Предложенная В. Михалом последовательность из 24 предложений является модификацией теста Сакса Леви (SSCT) для детей [3].

4. Методика «Родителей оценивают дети» (РОД) создана на базе методики «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) И. А. Фурмановым и А. А. Аладыным [5]. Опросник предназначен для изучения стиля семейного воспитания со стороны подростка с 12 лет. Использование этой методики позволяет обнаружить наличие проблем и отклонений в представлениях ребенка. Предоставление результатов опросника родителям усиливает мотивацию к изменениям в семейных отношениях, желание понять ребенка.

Для коррекции детско-родительских отношений в ряде случаев необходимо отметить личностные характеристики ребенка. Ранее описанные методики касаются особенностей несовершеннолетних, однако для более полной диагностики можно использовать детский 12-факторный личностный

опросник Кеттелла 12PF/CPQ, который определяет 12 факторов личности, такие как: общительность, вербальный интеллект, уверенность в себе, возбудимость, склонность к самоутверждению, склонность к риску, ответственность, социальная смелость, чувствительность, тревожность, самоконтроль, нервное напряжение [8]. Опросник сконструирован для детей от 8 до 12 лет. Такая личностная диагностика необходима для выстраивания индивидуального стиля воспитания для конкретного ребенка и принятия личностных особенностей ребенка родителями.

Методики, предлагаемые родителю для диагностики детско-родительских отношений:

1. Опросник для родителей «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) позволяет определить нарушения процесса воспитания, тип неграмотного патологического воспитания и установить некоторые причины этих нарушений. Для этого измеряется 11 шкал, рассматривающие нарушения процесса воспитания, и 9 шкал, относящиеся к личностным проблемам родителей, которые они решают за счет ребенка. Опросник существует в двух вариантах: для родителей детей 3–10 лет, и для родителей подростков в возрасте от 11 лет. На основе результатов данной методики можно сделать вывод о предпочитаемом стиле воспитания родителя. Авторами являются Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис (1987 г.) [10].

2. «Тест-опросник родительского отношения» (ОРО) представляет собой психодиагностический инструмент, выявляющий родительское отношение к несовершеннолетним. Родительское отношение понимается как система разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера личности ребенка, его поступков. Методика предназначена для родителей детей 3–10 лет. А. Я. Варга В. В. Столин являются авторами данной методики [8].

3. Методика изучения родительских установок PARI созданная Эрл Шефером, Ричардом Беллом (Parental Attitude Research Instrument) в 1958 году, адаптирована методика Т. В. Неццетом. Методика предназначена для изучения отношения родителей к разным сторонам семейной жизни, семейной роли. В методике выделены 23 признака, касающиеся разных сторон отношения родителей к ребенку и жизни в семье. Из них 8 признаков описывают отношение к семейной роли и 15 касаются детско-родительских отношений [8].

В ряде случаев использование метода беседы недостаточно для формулировки затруднений или осознания их наличия, и необходимо прибегать к использованию стандартизированных, надежных, валидных методик. Существует достаточное количество методик, которые можно использовать в психологической работе с членами семейной группы. Применение психодиагностики семейных особенностей в практической деятельности помо-

гает сформулировать более точно отклонения в семейном взаимодействии, оптимизировать коррекционную работу с семьей, с целью гармонизации детско-родительских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кон И. С. Ребенок и общество: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательство центр «Академия», 2003. — 336 с.
2. Карбанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 320 с.
3. Лидере А. Г. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений / А. Г. Лидере. — 2-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия». 2007. — 432 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб: Питер, 2019. — 400 с.
5. Мухордова О. Е., Шрейбер Т. В. Изучение детско-родительских отношений: методические рекомендации. — Ижевск: УдГУ, 2007. — 124 с.
6. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. — М.: Московский психолого-социальный институт. 2006. — 496 с.
7. Олифиревич Н. И, Зинкевич-Куземкина Т. А, Велента Т. А. Психология семейных кризисов. — М.: Речь, 2006–360 с.
8. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. — М.: Бахрах-М, 2002. — 672 с.
9. Шевченко М. А. Психологические рисуночные тесты для детей и взрослых. — М.: Издательство АСТ, 2017. — 176 с.
10. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. Н. Семейный диагноз и семейная психотерапия. — СПб.: Омега, 2003. — 478 с.

Попова Анастасия Владимировна,
магистр богословия в области новозаветных изучений (МА),
студентка 3 курса заочного отделения
факультета психологии и философии человека
Русской христианской гуманитарной академии,
byfaith@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К «ГРАЖДАНСКОМУ БРАКУ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье представлены результаты исследования отношения к явлению «гражданского брака» (в житейском понимании этого термина) в современном обществе. Поскольку этот вопрос весьма неоднозначный, полученные результаты следует учитывать при консультировании семейных пар и формировании понятия «семьи» у подрастающего поколения.

Ключевые слова: гражданский брак, семья, ответственность, муж и жена, отношение.

Popova A. V.
RESEARCH ON THE ATTITUDE TO «CIVIL MARRIAGE»
IN MODERN SOCIETY

The article presents the results of a study of the attitude to the phenomenon of «civil marriage» (in the popular meaning of this term) in modern society. Since this issue is very ambiguous, the results obtained should be taken into account when consulting couples and forming the concept of «family» in the younger generation.

Keywords: civil marriage, family, responsibility, husband and wife, attitude.

В современном обществе есть такое понятие как «гражданский брак». В него вкладывают разный смысл. Согласно Семейному Кодексу РФ, законом признается только брак, заключенный в органах ЗАГС [3, Ст. 10]. Такой брак принято называть официальным. Нередко официальный брак именуют гражданским. Существует также церковный брак — брак, освященный соответствующим религиозным обрядом [2, Ст. 358]. Такой брак признается церковью, но не признается государством, если он при этом не заключен официально в органах ЗАГС. По негласному церковному правилу, не рекомендуется венчать пары, не состоящие в официальном браке, хотя на практике бывают исключения.

Однако, «гражданским браком» в житейском смысле сегодня принято называть совместное проживание мужчины и женщины без принятия на себя официальных обязательств по закону. При этом они могут вести общее хозяйство. Считается, что особенно среди молодого поколения сегодня распространено мнение, что «в «гражданском» браке можно приобрести опыт совместной жизни и распределения супружеских ролей, выяснить сте-

пень совместимости партнеров, научиться ладить друг с другом, оставаясь «в принципе самостоятельными и независимыми» [1, с. 33].

Цель данного исследования — выяснить отношение к такому явлению в современном российском обществе. Для проведения исследования был составлен опросник, отражающий следующие аспекты предмета исследования, которые представлялось возможным изучить: осведомленность респондентов о данном явлении, их мнение по этому вопросу, отношение общества к вопросу по мнению респондента, личное эмоциональное отношение респондента к «гражданскому браку». Также запрашивалась информация о поле, возрасте и вероисповедании респондентов.

Опрос проводился в течение недели через интернет с помощью Google-forms. Приглашения к участию в опросе были размещены на страницах автора в социальных сетях «VK» и «Facebook». Полученные результаты обработаны с помощью метода контент-анализа и представлены ниже.

Описание результатов опроса

В опросе приняло участие 115 человек от 20 до 65 лет, из них 92 женщины (80,7%) и 22 мужчины (19,3%). Один респондент не указал свой пол.

По возрасту респонденты были представлены следующим образом: от 20 до 29 лет — 13 человек (11,3%), от 30 до 39 лет — 30 человек (26,1%), от 40 до 49 лет — 49 человек (42,6%), от 50 до 59 лет — 16 человек (13,9%), от 60 до 65 лет — 4 человека (3,5%). Трое респондентов (2,6%) не указали свой возраст.

91 опрошенный (79,1%) исповедует христианство, 3 (2,6%) — буддизм, 8 человек (7%) считают себя атеистами и 2 (1,7%) — агностиками. По одному ответу: иудейка, верующая, крещеная, верю в Бога, а не в религию, не определилась, — итого 5 ответов (4,3%).

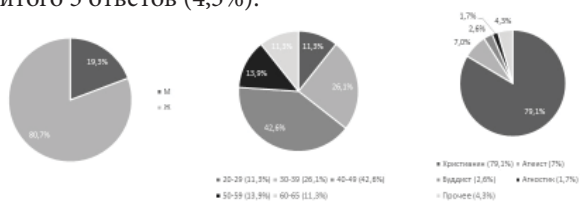

Рис. 1. Пол, возраст и вероисповедание участников опроса.

74 участника опроса (64,3%) согласны с предложенным «житейским» определением «гражданского брака» как «отношений между женщиной и женщиной, когда они живут вместе и ведут совместное хозяйство без регистрации своих отношений в государственных органах и получения официального статуса супругов». Остальные ответы можно свести к следующим категориям: брак, зарегистрированный в органах ЗАГС — 18 ответов

(15,6%), сожительство — 10 ответов (8,6%), самообман — 5 ответов (4,4%), блуд — 5 ответов (4,4%), штамп в паспорте — 1 ответ (0,9%), не понятно — 1 ответ (0,9%), безответственность — 1 ответ (0,9%) (он поддерживается еще 4 участниками как одна из черт явления).

109 опрошенных (94,8%) сталкивались с этим явлением, 6 (5,2%) — не сталкивались.

Рис. 2. Определение гражданского брака.

Многообразие ответов респондентов на вопрос о том, с какого момента отношения между мужчиной и женщиной можно считать семейными, можно свести к следующим положениям. Наиболее популярный ответ — с момента регистрации в ЗАГС. Так ответили 34 человека (29,6%), при этом еще 6 респондентов (5,2%) считают началом отсчета венчание, 3 (2,6%) — венчание или регистрацию в ЗАГС, 6 (5,2%) настаивают на обязательности и венчания, и регистрации в ЗАГС, 3 (2,6%) обозначили его как свадьбу. Итого 52 опрошенных (45,2%) отмечают необходимость совершения определенного ритуала, после которого отношения между мужчиной и женщиной можно считать семейными. Следующий по распространенности ответ — при совместном проживании и общем бюджете. Так ответили 27 участников опроса (23,5%). К этим критериям еще 5 опрошенных (4,3%) прибавляют необходимость наличия некоторого стажа совместного проживания (3–12 месяцев) и планов на будущее. Таким образом, территориальными и экономическими признаками руководствуются 32 респондента (27,8%). Третий часто встречающийся вариант — с момента осознанного принятия решения быть вместе и совместно преодолевать трудности, нести ответственность. Мы получили 14 таких ответов (12,2%), к этим критериям еще трое (2,6%) добавляют наличие общих детей. Итого внутренними решениями, которые не имеют четко обозначенных однозначных проявлений, определяют семейные отношения 17 участников опроса (14,8%). Двое респондентов (1,7%) не имеют однозначного ответа, один (0,9%) считает вопрос не важным и один (0,9%) считает, что такого момента не существует. Также по одному разу были даны такие ответы: привязанность, общие ценности, любовь и доверие, когда знают привычки друг друга за завтраком, когда становятся единым целым, взаимные обещания, после первого секса, когда их благословит Господь.

84 участника (73%) считают регистрацию в ЗАГСе обязательным условием существования семьи и 31 (27%) — не обязательным.

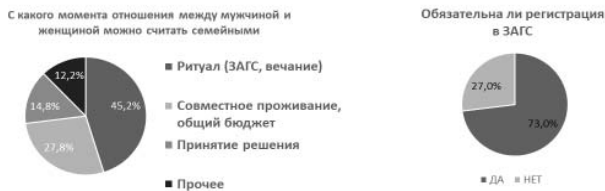

Рис. 3. С какого момента отношения между мужчиной и женщиной можно считать семейными. Обязательна ли регистрация в ЗАГС.

Респонденты назвали следующие мотивы вступления в брак официально. На первом месте традиции, общественные устои и ожидания, стереотипы, обретение социального статуса — 38 ответов (33%). На втором — юридические аспекты, безопасность и защищенность — 34 ответа (29,6%) и ответственность, порядочность, честность — 33 ответа (28,7%). Третье место занимают появление детей — 14 ответов (12,2%) и любовь — 13 ответов (11,3%). На четвертом — имущественные отношения, прагматизм, расчет — 9 ответов (7,8%). На пятом — желание создать семью — 8 ответов (7%) и уверенность, что именно с этим человеком ты готов прожить всю жизнь — 8 ответов (7%). Остальные ответы встречаются по 1–2 раза. В ответе одного респондента часто указано по несколько факторов, которые были объединены в категории выше.

Рис. 4. Мотивы вступления в официальный брак.

При этом 68 человек (59,1%) считают, что оформление отношений укрепляет семейное благополучие, 30 человек (26,1%) придерживаются противоположной точки зрения и 17 (14,8%) затрудняются ответить.

Социальный статус пары, живущей в «гражданском браке», респондентами воспринимается так: сожители — 72 (62,8%), муж и жена — 19 (16,5%), свободные люди — 11 (9,6%). Трое респондентов (2,6%) считают их блудниками и грешниками (что не является социальным статусом), а четверо (3,5%) дают паре право на самоопределение своего социального статуса. Также были предложены такие варианты (по одному): попутчики, люди, ведущие совместное хозяйство, любимые люди, без статуса, сироты, думающие, что у них все в порядке. Один ответ не соответствует вопросу.

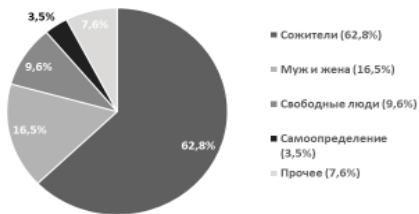

Рис. 5. Социальный статус пары, живущей в «гражданском браке».

По мнению 77 опрошенных (67%) общество не обращает внимания на существование «гражданского брака», 21 (18,3%) — поддерживает и 8 (7%) — осуждает. 6 (5,2%) респондентов считают, что отношение общества не однородно («по-разному»), 2 (1,7%) — что сейчас это норма, и 4 (3,5%) не могут однозначно определиться с ответом.

Рис. 6. Отношение общества к существованию «гражданского брака».

На словосочетание «гражданский брак» 59 респондентов (51,3%) реагируют нейтрально, 51 (44,3%) — негативно и 5 (4,3%) позитивно.

У 66 опрошенных (57,4%) не меняется отношение к «супружеской» паре, если они официально не муж и жена, у 49 (42,6%) — меняется.

К парам, живущим в «гражданском браке», 47 респондентов (40,9%) относятся спокойно, 44 (38,3%) — с жалостью, 11 (9,6%) — нейтрально и 9 (7,8%) — негативно. Также были даны такие ответы (по одному): «Не судите, да не судимы будете», «больше как наблюдатель», «я удивляюсь, почему бы не жениться» и «нормально, если они в ближайшее время планируют свадьбу». Первые два из них можно отнести к нейтральной позиции, так что этот показатель изменится на 13 (11,3%).

Рис. 7. Отношение респондентов к парам, живущим в «гражданском браке».

Обсуждение результатов исследования

В опросе приняли участие 115 человек. Это недостаточно широкая выборка для того, чтобы что-то утверждать. На ее основании мы можем говорить только о некоторых тенденциях, присутствующих в обществе.

Результаты опроса в большей степени отражают мнение женщин-христианок среднего возраста (30–59 лет), чем представителей других групп населения. Это объясняется тем, что приглашение к участию в опросе было размещено на страницах автора в социальных сетях, то есть на него откликнулся ближний и средний круг его общения («друзья и друзья друзей», как их именуют в социальных сетях).

Более половины опрошенных, а именно 64,3% согласны с житейским определением «гражданского брака». Еще 15,6% придерживаются определения гражданского брака как союза, зарегистрированного в органах ЗАГС, то есть равноценного «светскому» браку. Но и в «житейском» значении этот термин понятен.

94,8% респондентов сталкивались с этим явлением в жизни, что говорит о широком распространении подобной практики.

Исследование мнения участников опроса об общественном отношении к «гражданскому браку» включало в себя их мнение о браке вообще, а именно о том, с какого момента пара становится супругами, поскольку с этим связано и отношение к незарегистрированным парам. 73% респондентов считают регистрацию в ЗАГСе обязательным условием существования семьи.

Но при этом, отвечая на вопрос открытого типа о том, с какого момента отношения мужчины и женщины можно считать семейными, только 45,2% опрошенных отмечают необходимость внешнего, формального действия (регистрации в ЗАГСе, венчания, свадьбы). Еще 27,8% смотрят прежде всего на территориальные и экономические признаки семьи, а не на ее формальный статус. В совокупности это и составляет 73%. Из этого можно сделать вывод о том, что формальная регистрация брака не играет настолько определяющей роли в сознании людей, как им кажется.

К тому же, 62,8% опрошенных воспринимает нерегистрированную пару как сожителей, а 9,6% — как свободных людей, что в общем составляет 72,4%, и только 16,5% считает их мужем и женой. Получается интересная картина, что 72,4% респондентов отказывают нерегистрированной паре в статусе супругов, но при этом 27,8% из них не отказывают им в статусе семьи.

Однако 59,1% опрошенных считают, что оформление отношений укрепляет семейное благополучие.

Мы спрашивали также о мотивах, побуждающих людей вступать в брак, с целью выявить мнение опрошенных о том, для чего вообще нужен брак и насколько значима его регистрация. 33% респондентов подчеркнули его социальную значимость, 29,6% — юридическую и 28,7% — нравственную. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, по мнению участников опроса, регистрация брака помогает сохранять общественные отношения, регулируемые традицией и законодательством, а также отражает такие нравственные качества как ответственность, честность и порядочность.

По мнению 67% опрошенных общество относится к явлению «гражданского брака» индифферентно, а 18,3% — положительно. Выражая собственное отношение к этому явлению, 40,9% участников опроса спокойно относятся к незарегистрированным парам, 38,3% — с жалостью, 11,3% нейтрально, и только 7,8% — негативно. Отношение «с жалостью» носит, по сути, негативную окраску, но без примеси агрессии. И все же, можно сказать, что 46,1% опрошенных не одобряют явление «гражданского брака», в то время как 52,2% респондентов этот вопрос не задает.

У 57,4% не меняется отношение к «супружеской» паре, если становится известно об отсутствии у них официального статуса супругов, что составляет чуть больше половины опрошенных. У 42,6% оно меняется. 51,3% респондентов реагируют нейтрально на словосочетание «гражданский брак», 44,3% — негативно, и только 4,3% позитивно.

Исходя из этих ответов можно говорить о двух тенденциях: с одной стороны, безразличное отношение к этому явлению в обществе в целом подтверждается личным отношением опрошенных, с другой стороны, для многих это словосочетание имеет негативную коннотацию, и в целом более 40% опрошенных не ратифицируют это явление. Это может быть связано с возрастом участников опроса и с общественным неодобрением «гражданских браков» в предыдущих поколениях (их родителями, например). Можно сказать однозначно, что в обществе это явление не приветствуется, хотя и явной агрессии не вызывает. Однако вряд ли в скором времени оно станет социально одобряемым.

Рекомендации

Полученные нами результаты следует учитывать педагогам и психологам в следующих ситуациях:

— При формировании у подрастающего поколения понятия «семьи», так как границы этого понятия все больше «размываются» в житейском восприятии, утрачивается значение как «формальных», так и существенных признаков семьи. Это значение необходимо восстанавливать.

— При консультировании семейных пар необходимо выяснять их официальный статус и отношение к нему. У партнеров может быть разное восприятие своего социального статуса, соответственно, и разные ожидания, и разный уровень готовности вкладывать ресурсы в данные отношения. Также у нерегистрированной пары могут возникать конфликты с родителями, не приемлющими такие отношения и считающими их «сожительством», а не семьей, что может стать поводом для негативного отношения со стороны родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы психологии семьи и семейного консультирования / Под общ. Ред. Н. Н. Посысоева. — М.: Владос-пресс, 2004. — 328 с.
2. Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. Святитель Филарет (Дроздов). — М.: Терирем, 2018. — 158 с.
3. Семейный Кодекс РФ. — Омега-Л., 2019. — 62 с.

Виноградова Мария Александровна
студентка 4 курса бакалавриата
факультета психологии и философии человека
Русской христианской гуманитарной академии,
vinogradova.masha@gmail.com

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БРАКЕ У МОЛОДЕЖИ

В статье раскрываются гендерные аспекты представления о браке у молодежи. Автором отмечается существенная трансформация института семьи, изменение значимости семейных ценностей в современном обществе, это актуализирует поставленную цель исследования изучить основные тенденции представлений и семье, и супружеских ролях у молодежи в условиях современного общества. Приводятся результаты исследования, позволившие автору сделать вывод, что у большинства испытуемых традиционное понимание и отношение к браку. При этом молодые люди с ярко выраженной гендерной идентичностью, демонстрируют приверженность традиционным гендерным стереотипам. Семья все еще является значимой ценностью в молодежной среде, а вариативность моделей семейных отношений в большей степени связана с психологическими аспектами, нежели с социально-бытовой направленностью.

Ключевые слова: брак, семья, супружеские отношения, гендерные стереотипы, представления о браке у молодежи.

Vinogradova M. A.

EMPIRICAL INVESTIGATION OF YOUTH PERCEPTION OF MARRIAGE

The article reveals the aspect of gender that youth perception of marriage. The author notes a significant transformation of the institution of the family, changing the importance of family values in modern society, also raises the goal of the investigation to study major trends, perception of family and marital roles among young people in modern society. The article shows us the results of the investigation then the author came to conclusion that most of the respondents have a traditional understanding and attitude towards marriage. Young people whose obviously shows their gender identity, at the same time demonstrate adherence to traditional gender stereotypes. At this moment, family is a significant value among young people and the diversity of the models of family relations is more connect with psychological aspects rather than with social-domestic thrust.

Keywords: marriage, family, marital relations, gender stereotypes, youth perception of marriage.

Институт семьи на сегодняшний день кардинально трансформировался, этому свидетельствует изменение представлений у молодежи о традиционной семье. Изменяется он не в лучшую сторону, это можно объяснить тем, что более 50% браков в России распадаются по причине развода. В 2019 году зарегистрировано чуть более 970 тысяч браков, тогда как распалось более 528 тысяч семей [8]. Так же низок духовный уровень, это можно судить

по наблюдению за активной деструктивной жизнью молодежи в социальных сетях, а уровень инфантильности наоборот слишком высок, что препятствует созданию семьи. Чем обусловлено падение духовного уровня?

Первый фактор, с самого детства во многих семьях дети видят взаимоотношения родителей и копируют их, а значит с большой вероятностью, будут вести себя так же, как и их родители. Конечно же, велик процент родителей, которые ведут себя не лучшим образом, многие родители психологически не готовы к воспитанию детей, до конца не осознают, что значит воспитать ребенка. Они создают конфликты не имеющие причины, дети видят насилие, как физическое, так и психологическое, не правильные моральные принципы. Это значит, что дети абсолютно не знают, как выстраивать отношения в семье, что в будущем приводят к разводам в их собственных семьях [2].

Второй фактор, это неправильное сексуальное воспитание или полное его отсутствие. Безрассудные половые связи юношей и девушек приводят к обесцениванию понятия верности, уважения партнёра, а также к многочисленным венерическим заболеваниям, обратимся к статистике: На 1 ноября 2018 года общее количество зараженных ВИЧ в России составляет 1 306 109 человек, проживают живых ВИЧ-инфицированных на территории России 998 037 человек [6].

Третий фактором является так называемый «брак по залету», когда молодые люди вынуждены вступать в брак из-за внебрачного ребенка. Что приводит к многочисленным психологическим проблемам, тревогам и стрессам внутри семьи.

Кризис семьи в современном обществе привел к изменению представлений юношей и девушек, для которых семья является скорее партнерским союзом, причем изменения в представлениях девушек выражены более значительно [4]. Юноши ожидают, что девушки будут выполнять все традиционно женские обязанности в семье, в то время как девушки ориентированы на активную социальную жизнь и предполагают разделение обязанностей. В целом, ценность семьи для современной молодежи по-прежнему занимает одно из ведущих мест в общем перечне жизненных ценностей [9]. Молодежь определяет будущее общества, поэтому тенденции и перспективы развития молодежи, изменение особенностей ее самоопределения представляют для общества большой интерес и практическое значение. Особенно важным является отношение молодежи к браку и семье. Крепкая, здоровая семья — залог здорового общества и крепкого государства. Поэтому социум заинтересован в подготовке молодого поколения к созданию семьи. Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что все большее число современных молодых людей полагает необязательным вступление в официальный брак. В последнее время происходит противопоставление и разделение понятий любви и брака. Юноши и девушки переоценивают значение любви в добрачный период и недооценивают в браке, семье. Из этого следует, что

молодежь воспринимает семью как препятствие чувствам, считают, что семью нужно заводить только из-за необходимости, а не из чувства понимания смысла создания семьи.

Представленная ситуация определила актуальность и цель нашего исследования: выявить гендерные аспекты представления о браке у молодежи

Теория социальных представлений, зародившаяся в условиях методологического кризиса западной социальной психологии, получила свое воплощение в концепциях Дюркгейма и Леви-Брюля [3]. Они определяли представления как способность человека воспринимать, делать выводы, понимать, вспоминать, чтобы придавать смысл вещам и объяснять личностную ситуацию.

В отечественной психологии эти концепции получили развитие в работах С. Московичи, который утверждает, что любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний, включая науку, являются социальными представлениями [5]. Они — основа взаимодействия: прежде чем вступать в общение с человеком или группой, индивид должен представить себе возможные связи, результаты взаимодействия [7]. Такой подход определяет путь для эмпирического исследования этих процессов через изучение общих ценностей, смыслов и связи представлений и конкретных социальных позиций респондентов [1].

Для изучения представлений о браке нами были исследованы 26 молодых людей в возрасте от 18 до 28 лет, из них 16 девушек 10 юношей. Все молодые люди являются студентами высших учебных учреждений или учреждений среднего профессионального образования. Некоторые испытуемые уже состоят в браке, один испытуемый является монахом монастыря.

Смысловая и эмоциональная оценка семьи и брака молодыми людьми исследовалась методами ассоциативного эксперимента и авторской модификацией методики «Незаконченные предложения», позволяющей оценить отношение к институту семьи, к представителям своего и противоположного пола, к своим страхам и опасениям в вопросах брака, к жизненным целям. Для исследования гендерно-социальных позиций респондентов использовалась Полоролевой опросник (С. С. Бем, 1974 г.), а структура ценностных ориентаций диагностировалась Ценностным опросником Шварца.

Согласно результатам, полученным по методике ассоциативный эксперимент мы можем сделать вывод, что большинство молодых людей видят брак как положительный элемент жизни человека. Вносят в него свои ценностные ориентации и понимают ответственность перед другими членами семьи. Также важно отметить, что большая часть опрошенных видят брак как чисто юридический аспект жизни человека. Испытуемые, которые отметили негативное отношение, видят брак как нечто, что стесняет личную свободу индивида, вносит определённые сложности в быт и накладывает обязательства.

Анализируя результаты ответов испытуемых на «Незаконченные предложения», мы можем сделать вывод, что современная молодёжь относится к браку положительно, у испытуемых, которых мы опрашивали, заложены общепринятые семейные ценности. Молодые люди видят брак как осознанный выбор в жизни и предпочитают вступать только семейный союз с полной уверенностью и желанием в нем пребывать. Основной плюс брака им видится эмоциональной значимости такой формы отношений.

Нами было отмечено, что молодёжь положительно относится к официально зарегистрированному браку, хотя и вносит в это больше юридический аспект чем эмоционально-ценностный. Иными словами, официальный брак — это юридический статус семьи, значение которого актуализируется при появлении в семье детей. При этом в большинстве своем молодые люди нацелены на продолжение рода, желают завести и воспитывать детей.

Отдельно стоит выделить представления о сожительственных видах отношений. Отношение к ним носит неоднозначный характер. В ответах присутствует как положительная оценка такого вида отношений, так и индифферентная, крайне отрицательного отношения к сожительству не выявлено. Многие респонденты признают сожительством совместное проживание мужчины и женщины без официальной регистрации брака, в тоже время такие отношения наделяются статусом семьи. Также было установлено, что молодые люди считают, что для развода должны быть достаточно веские основания, т. к. супружеская неверность, семейное насилие, но и угроза финансовой стабильности тоже является серьезной причиной.

При доминирующей позитивной оценке брачных отношений среди респондентов выявились и испытуемые, которые имеют яркое негативное отношение к браку. В большинстве данные испытуемые являются женского пола, они не видят в супружестве смысла и целесообразности, единственная цель семейного союза, по их мнению — регулярная половая связь, но также отмечалось и отвращение к мужчинам вообще.

Обобщая анализ высказываний о брачных и семейных отношениях, следует отметить, что в сознании молодёжи разделены понятия брак и семья. Официальный брак рассматривается в большей степени как юридический аспект, однако наличие статуса зарегистрированных отношений является эмоционально значимым. Иными словами, понятие семья носит больше эмоциональную характеристику, а брак — статусную.

Сравнительный анализ не показал явных различий между ответами мужчин и девушек, что может быть связано с общей тенденцией современного общества к унисекс культуре и смешению гендерных ролей.

Для выявления именно гендерной специфики отношения к браку мы диагностировали у испытуемых психологический пол, полоролевые ориентации — степень андрогинности, маскулинности и фемининности личности по методике С. Бем.

Исходя из результатов тестирования можно составить следующие выводы, что в нашей выборке явно подвержены гендерным стереотипам треть испытуемых. Остальные испытуемые продемонстрировали андрогинность в поло-ролевой ориентации. При этом ответы на «Незаконченные предложения» у молодежи с андрогинным типом характеризуются большей критичностью в эмоциональной оценке брачных отношений. Они предъявляют больше требований к предполагаемому партнеру.

Испытуемые в маскулинной направленностью демонстрируют более ответственное отношение к семье, необходимость собственной самостоятельности для создания брачных отношений.

У феминноориентированных респондентов в большинстве проявляется положительное отношение к семье и браку с традиционным распределением ролей, есть одна девушка с критичным восприятием мужской роли в семье.

Анализ ценностной сферы показал, что наибольшее значение имеют ценности: самоопределение, безопасность, зрелость и духовность. Эти данные согласуются с ответами испытуемых в методике «Незаконченные предложения» показывающими, что испытуемым действительно важны данные ценности в создании собственной семьи. Стоит отметить, что в меньшей степени им свойственно придавать ценность социальной власти и социальной культуре, что говорит об эгоцентричной направленности системы ценностей современной молодежи.

Целью нашей работы было выявить гендерные аспекты представления о браке у молодежи, так же нами была поставлена гипотеза: существует гендерная специфика отношения к браку. На основании полученных данных исследования, мы выяснили, что у большинства испытуемых традиционное понимание и отношение к браку, гендерным представления подвержены больше гендерные личности с феминным и андрогинным типом, это были и мужчины, и девушки. Это может значить, что испытуемые с феминным типом личности стереотипно воспринимают только одну группы, женскую. Процент имеющих андрогинный тип не подвержены гендерным стереотипам. Таким образом, частично была подтверждена основная гипотеза о том, что существует взаимосвязь между представлениями о семье и гендерными особенностями у молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Социальные представления. — М.: МГУ, 1994. — 350 с.
2. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие для вузов — М.: Аспект Пресс, 2002. — 287 с.

3. Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской социологии. — М.: МГУ, 1987. — 127 с.
4. Ильин. Е. П. Пол и Гендер. — СПб: Питер, 2003 г. — 670 с.
5. Московичи С. Теория социальных представлений. — М.: МГУ, 1995. — 123 с.
6. Официальный портал статистики ВИЧ и СПИД. [Электронный ресурс]. — URL: <https://spid-vich-zppp.ru/statistika/epidemiya-vich-spida-v-rossii-2017.html> (дата обращения: 10.03.2021).
7. Психология личности: Лекции. Теория социальных представлений. [Электронный ресурс]. — URL: <https://studfile.net/preview/5897423/page:44/> (дата обращения: 10.03.2021).
8. Статистика браков и разводов в России. [Электронный ресурс]. — URL: <http://semeinoe-pravo.net/statistika-brakov-i-razvodov-v-rossii/> (дата обращения: 10.03.2021).
9. Hunter J. E. Images or women // Journal of Soc. Issues 1976. — p. 491.

Морозова Зоя Андреевна,
студентка магистратуры
Костромского государственного университета,
mor.zoya@mail.ru

ПЕРЕЖИВАНИЯ И СОВЛАДАНИЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПЕРВОГО АБОРТА У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН

В данной статье рассматриваются психологические последствия искусственного прерывания беременности, актуализируется проблема переживания и совладания с последствиями абортивных процедур, как со стрессовой, трудной жизненной ситуацией у женщин, особенно тех, кто столкнулся с этими процедурами впервые. Данная проблема актуальна для нашего государства, так как в России аспект оказания психологической помощи такой категории женщин, остается проблемным и требует решения на государственном уровне.

Ключевые слова: совладающее поведение, аборт, прерывание беременности, постабортный синдром, переживания.

Morozova Z. A.

POST-ABORTION EMOTIONAL DISTRESS AND COPING WITH SIDE EFFECTS OF FIRST ABORTION AMONG YOUNG FEMALES

The article deals with mental health implications arising from artificial termination of pregnancy; it discusses academic relevance of post-abortion emotional distress and coping with side effects of abortion as a stressful, challenging life situation for women, especially those who undergo the procedure for the first time. The problem is of critical importance for Russian Federation as the delivery of psychotherapy for this category of women proves poor and requires measures taken at the state level to improve the situation.

Keywords: coping behavior, abortion, termination of pregnancy, post-abortion syndrome, emotional distress.

Россия считается одним из мировых лидеров по количеству проводимых абортивных процедур, и это при условии наличия демографического кризиса в стране. Государство стремительно борется с данной проблематикой и за последние годы удалось добиться снижения количества абортивных процедур, благодаря реализации мер государственной поддержки, но показатели всё равно остаются высокими. Не последнюю роль в эффективности профилактики абортов, сыграло обязательное посещение психолога женщинами перед искусственным прерыванием беременности. Но женщины, которые уже испытали на себе последствия абортивных процедур, к сожалению, остаются один на один со своими психологическими трудностями.

Искусственное прерывание беременности наносит вред не только по продуктивной системе женщины, но также оказывает мощное негативное воздействие на психоэмоциональное состояние (М. Е. Блох, И. С. Кон,

А. Н. Юсупова, Е. М. Вихляева, Г. Б. Романовский, Е. И. Николаева, Т. П. Резникова и т. д.).

Женщины, которые испытали на себе абортивные процедуры, как правило, сталкиваются с «постабортным синдромом». Постабортный синдром — это посттравматическое стрессовое расстройство, характеризующееся развитием симптомов, вызванных определенными психоэмоциональными реакциями на полученную вследствие аборта физическую и психологическую травму [1, с. 371]. Как мы видим из определения постабортного синдрома Vincent Rue, данное понятие является междисциплинарным и рассматривается на стыке социальной психологии, клинической психологии и психиатрии.

Проявления постабортного синдрома начинаются сразу же после абортивных процедур и этому служат проявление таких симптомов, как чувство пустоты и утраты, чувство вины, скорбь, депрессия, саморазрушающее поведение, репереживания, эмоциональная отгороженность, нарушение межличностных взаимоотношений с близкими и окружающими людьми (Theresa Burke, В. Пултовская, Н. А. Глебова, М. А. Качан, Vincent Rue и мн. др.)

Также Theresa Burke отмечает, что у женщин последствиями постабортного синдрома может стать неприязнь или раздражительность к беременным, кормящим женщинам, обострение депрессивной симптоматики при виде младенцев [5, с. 272].

Говоря о саморазрушающем поведении, то А. Н. Артёмов, В. А. Руженков, М. А. Качан, Ю. С. Смирнова, Р. Штуммер А. А. Фокин и др. отмечают, что после абортивных процедур у женщин повышается риск суицидов, алкоголизма и наркомании.

Главными трудностями при исследовании постабортного синдрома является вполне объяснимое нежелание женщин раскрывать переживания, с которыми они вынуждены столкнуться [5, с. 272].

Переживания, связанные с ситуацией аборта, присутствуют всегда, но степень их выраженности и длительность проявления могут различаться (М. Е. Блох).

Согласно точке зрения Ф. Пёрзла, процесс переживания позволяет создать условия для ассимиляции человеком важного для него жизненного опыта. Но это становится возможным лишь в ситуации построения контакта со средой, с другим человеком [4, с. 7].

Благодаря переживанию, как способу выхода за границы собственного Я, у человека появляется возможность изменить, преобразовать деструктивный, негативный опыт в нечто более конструктивное, что в свою очередь позволит перейти на новый этап в своём развитии [6, с. 203].

Л. Р. Фахрутдинова рассматривает переживания как основную часть сознания, которая обладает рефлексией. Именно благодаря рефлексивности

субъект переживания способен погрузиться в свой внутренний мир и переоценить пережитое [7, с. 211].

Трудные жизненные ситуации, приводящие к появлению негативных переживаний, также влекут за собой нарушения в деятельности, нарушения во взаимоотношениях с окружающими людьми, что в свою очередь и вынуждает личность к адаптации к новым условиям и преодолению возникающих трудностей, опираясь на свои личностные особенности, жизненный опыт прибегая к различным стратегиям совладания (Е. В. Селезнёва, М. М. Соколова).

Согласно Т. Л. Крюковой совладающее поведение — это целенаправленное поведение личности, благодаря которому устраняется совсем или становится меньше вредоносное воздействие стресса, вследствие использования осознанных действий адекватных личностным особенностям и ситуации» [2, с. 89].

Главная центральная особенность совладающего поведения в стрессовой ситуации, связана с понятием выбора, который отражает его осознанность. Совладающее поведение в стрессовых ситуациях ориентированно на систему целеполагающих действий, прогнозом исхода неблагоприятной ситуации и творческим подходом в создании новых решений и выходов из проблемных (стрессовых) ситуаций [3, с. 184].

Таким образом, мы приходим к выводу, что имеется достаточное количество данных, связанных с изучением психологических последствий у женщин, имеющих опыт абортивных процедур, но аспект совладания с этими трудностями в контексте переживаний у молодых женщин столкнувшихся с абортивными процедурами впервые, остается малоизученным. Молодые женщины, которые впервые получают данный опыт, как правило, не знают о тех психологических последствиях с которыми они будут вынуждены столкнуться, так как своего рода делают шаг в неизвестность, и поэтому особенно нуждаются в оказании своевременной психологической помощи. Изучение данного аспекта позволит лучше понять, выявить ресурсы, используемые для преодоления данной стрессовой ситуации, выявить в целом адаптационный потенциал личности, который способствует наиболее продуктивному совладанию. Также, полученные данные позволят обосновать важность оказания обязательной психологической помощи данной категории женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов А. Н. Постабортный синдром и техники доабортного психологического консультирования / А. Н. Артемов, Е. В. Снегирева, А. В. Ковалева // Молодой ученый. — 2016. — № 9 (113). — С. 371–374.
2. Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения / Т. Л. Крюкова // Психологический журнал. — 2008. — Том 29. — № 2. — С. 88–95.

3. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы / Т. Л. Крюкова // Психологические науки. — 2013. — С. 184–187.

4. Погодин И. А. Переживание в этиологии психической травмы / И. Погодин // Психическая травма и переживание: гештальт-терапия кризиса: сб. статей. Вып. 7. 2008. — С. 6–16.

5. Смирнова Ю. С. Фокина Ю. А. Запрещенные слезы или постабортный синдром // Психологические науки // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. Серия: Психологические науки, 2009. — С. 91–92.

6. Флоренская Т. А. Катарсис как осознание / Т. А. Флоренская // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1978. — С. 198–212.

7. Фахрутдинова Л. Р. Структурно-динамическая организация переживания субъекта: автореферат дис. ... доктора психологических наук: 19.00.01 / Л. Р. Фахрутдинова. Казань, 2012. — 41 с.

Научное издание

**XIV СРЕТЕНСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ПСИХЕЯ И ПНЕВМА
ФИЛОСОФСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
18–19 ФЕВРАЛЯ 2021 г.**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Директор издательства А. А. Галат
Компьютерная верстка В. А. Смолянинов

Подписано в свет 01.09.2021. Формат 60×88 ¹/₁₆.
Цифровое издание. Усл. печ. л. 4,7.

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310–79–29, +7(981)699–6595;
e-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>